

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2011 № 2

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Птичникова Г.А., Антюфеев А.В. Массовое общество и массовая архитектура ... **3**

Лаамарти Ю.А. Актуальные проблемы малых городов России ... **11**

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Новикова Е.Н. Влияние городской среды на добрачное поведение молодежи ... **16**

Коломасова Е.Н., Романовская Е.С., Савинов Л.И. Семейно-демографическая политика в условиях урбанизации ... **23**

Дашкова С.В. Молодежь в городской среде: деструктивное поведение и его проявления ... **30**

ГОРОД КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Дасаева Д.Р. Стратообразующий потенциал потребительского поведения в урбанизированном социуме ... **38**

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Лысенко Г.В. Социальные взаимодействия в пространстве современного города ... **45**

ГОРОД И ВЛАСТЬ

Буров А.Н., Сарматин Е.С. Межэтническая напряженность в городских поселениях Западной Европы: изжила ли себя политика мультикультуризма? ... **51**

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 60

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиков,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
председатель Комитета
по бюджету, налогам и сборам
Волгоградской городской думы
проф. **М.М. Девятков**,
д-р техн. наук, проф. **В.Г. Диденко**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренков,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р пед. наук, проф. **В.В. Сериков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Слышкин

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2011

© Потокина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENS

ARCHITECTURAL SPACE OF MODERN CITY

Ptichnikova G.A., Antyufeyev A.V. Mass society and mass architecture ... **3**

Laamarti Ju.A. Topical issues of little towns of Russia ... **11**

MAN IS IN CONTEMPORARY CITY

Novikova Ye.N. Urban environment influence on antenuptial behavior
of youth ... **16**

Kolomasova Ye.N., Romanovskaya Ye.S., Savinov L.I. Family and demographic
policy in urbanization ... **23**

Dashkova S.V. Youth in urban environment: disruptive behavior
and its display ... **30**

TOWN AS ECONOMIC SYSTEM

Dasayeva D.R. Strat forming potential of consumer behavior
in townity society ... **38**

SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS CONTROL

Lysenko G.V. Social interactions in space of modern town ... **45**

A CITY AND POWER

Burov A.N., Samatin Ye.S. Ethnic tension in urban settlements of West
Europe: is multiculturalism outdated concept? ... **51**

INFORMATION FOR AUTHORS

*Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 60*

Вниманию авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2011 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology>)

УДК 72.01

Г.А. Птичникова, А.В. Антофеев

**МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО
И МАССОВАЯ АРХИТЕКТУРА**

Анализируется влияние массового общества на формирование архитектуры в XX в. Освещаются особенности зарождения массовой культуры, ее формы существования в современном обществе. Раскрываются причины появления различных архитектурных слоев, рассчитанных на массовую и элитарную публики. Освещаются различные точки зрения современных исследователей на появление «массовой архитектуры».

Ключевые слова:
архитектура, массовая культура,
кич, массовое общество.

G.A. Ptichnikova, A.V. Antufeyev

**MASS SOCIETY
AND MASS ARCHITECTURE**

The influence of the mass society on the architecture formation in the XX-th century is analyzed. The features of origin of the masscult formation, its form of existence in the modern society are reported. The appearance causes of the various architectural layers rated at mass and elite public are opened. The variety of modern researchers points on appearance of "mass architecture" are reported.

Key words:
architecture, mass culture,
kitsch, mass society.

Деятнадцатый век породил явление, которое оказалось явно недооценено социальной историей и тем более историей архитектуры. На авансцену общественной жизни выдвинулись «средние слои», образующие основной контингент массового и одновременно анонимного потребителя архитектуры. Создание новых, почти безграничных источников богатства и комфорта, а также снятие социальных ограничений способствовали порождению нового исторического феномена — массового общества со своей особой ментальностью и своеобразной культурой. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей знаменитой книге «Восстание масс», опубликованной к началу 1930-х гг., писал: «Головокружительный рост означает все новые толпы, которые с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой» [1, с. 314]. Количественное определение — «многие» — перешло в качественное — «масса». Этому явлению способствовали несколько причин. Во-первых, материальный избыток в связи с развитием производства. Жизнь среднего человека становилась материально доступной и обеспеченной, повышались жизненные стандарты, улучшался житейский комфорт. Вторым фактором появления массового общества стало демократическое освобождение от социальных барьеров, кастовых, сословных отличий и особых гражданских привилегий. Средний человек усваивал как истину равенство всех и перед всеми. И третья причина возникновения новой для западного мира исторической ситуации в том, что «массовый человек» поверил в гарантии своей легкой жизни, ему стала свойственна полная уверенность в том, что будущее будет еще богаче, технически совершеннее. Для массы все возможно и гарантировано, писал Ортега-и-Гассет, «как завтрашний восход солнца». Такая гарантия способствовала формированию мышления «самодовольного недоросля», который живет, чтобы делать то, что хочется, а мир обязан предоставить ему все более новое, роскошное и захватывающее окружение. «Тот мир, что окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, не-

престанно берedit его аппетиты, которые в принципе могут расти беспредельно» [1, с. 318].

Прагматическая парадигма поведения, поступков и действий людей нарождающегося общества сыграла не последнюю роль в рождении массового потребителя со специфическим набором свойств и характеристик. Он предъявил к архитектуре новые требования, которые исходили из своеобразия его характера и вкусов.

Массовое общество породило свою культуру — массовую культуру¹. Эта культура ориентирует распространяемые ею духовные и материальные ценности на «усредненный» уровень развития массовых потребителей, широких слоев общества. Товарность культуры массового общества, в которую включена и архитектура, определяется тем, что вся аудитория рассматривается в качестве потенциальных покупателей, а основным признаком можно считать ее желание удовлетворения разнообразных потребностей и вкусов. Развлекательность и зрелищность, создание псевдо-реальности — существенная функция массовой культуры. Общими отличительными чертами ее стали: предельная приближенность к элементарным потребностям человека, постоянная нарастающая востребованность ее продуктов, ориентированность на природную чувственность и эмоциональность, упрощенность в производстве качественного продукта потребления и др.

Однако важнейшей особенностью культурной индустрии является товарный фетишизм. Р. Адорно подчеркивал: «Истинный секрет успеха — это всего лишь отражение того, сколько уплачено за продукт на рынке» [2]. Товарность массовой культуры определяется тем, что вся аудитория рассматривается в качестве потенциальных покупателей, поэтому массовая культура служит стимулятором торговли. В произведениях массового искусства «всего понемногу», чтобы охватить интересы максимального числа потребителей. В популяризируемых имиджах олицетворяются неисполнимые в жизни желания зрителей, создается псевдомир дешевой мечты, которую можно купить за деньги. Причины успеха массовой культуры заключаются в узнава-

Об авторах:

Птичникова Галина Александровна — доктор архитектуры, профессор, профессор кафедры градостроительства ВолГАСУ (8442)96-98-10

Ptichnikova Galina Alexandrovna — Doctor of Architecture, Professor of urban planning department, VSUACE

Антофеев Алексей Владимирович — кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, заведующий кафедрой градостроительства ВолГАСУ, (8442)96-98-10 rosstroyproekt@mail.ru

Antufeyev Alexei Vladimirovich — Candidate of Science (Architecture), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Department Chairman of urban planning, VSUACE

¹ Этот термин появился в США в конце 1930-х гг. Синонимы: поп-культура, индустрия развлечений, потребительская, коммерческая культура.

емости и достоверности. Общество нуждается в постоянном подтверждении «великих истин», которые состоят как из действительно непреходящих истин, так и из банальностей, излагаемых с тщательностью и скрупулезной достоверностью.

Вместе с тем не все так однозначно с оценкой массовой культуры. Она низовая потому, что исходит из низов общества, является, по преимуществу, плодом творчества так называемых простых людей и противостоит как официальной культуре, так и культуре «высокой», рафинированной. Такие важные составляющие современной массовой культуры, как движение хиппи, рок-культура и ряд других в течение долгого времени развивались в условиях андеграунда и относились к тому, что социологи называют контркультурой.

Параллельно массовой культуре возникла так называемая элитарная культура, ориентированная на избранную, интеллектуальную публику, и авангардное искусство. «Новое искусство способствует тому, чтобы «лучшие» познавали самих себя, узнавали друг друга среди серой толпы и учились понимать свое предназначение», — подчеркивал Х. Ортега-и-Гассет [3]. Элитарное искусство обращено к особо одаренному меньшинству и вызывает раздражение в массе. Непонимание нового искусства заставляет «среднего человека» почувствовать свою несостоятельность и неполноценность. Американский архитектор Р. Вентури так определил различие между массовой и элитарной культурой: «Мне кажется, что удовлетворение «различных потребностей и вкусов» это скорее признак любой массовой культуры, нежели элитарной. Элитарность скорее подразумевает принципиальность» [4].

Такое резкое разделение культуры в западном обществе на массовую и элитарную явилось причиной разделения архитектуры на несколько направлений или слоев: популистского, или кичевого, традиционного и элитарного². Нам эта классификация представляется крайне важной для понимания пути исследования поставленной проблемы, потому что архитектура в разных слоях по-своему ориентируется на потребности и интересы своего «клиента».

Массовое эстетическое сознание становится одним из основных регуляторов стилистики и типологии как популистского, так и традиционного слоев архитектуры. Популистский слой ориентирован на «демократического приобретателя в обществе массового потребления», «массовую нетворческую личность, лишенную самостоятельного мышления и заимствующую свои мысли из рекламы и средств массовой информации» [5]. Для архитектуры популистского слоя характерны развлекательно-зрелищная направленность, товарность с ориентацией на требования рынка недвижимости и рекламно-имиджевый характер архитектурной продукции. Архитектор, работая в этом слое, создает декорации для жизни, в которой сам не участвует, подчиняясь вкусам заказчика. Ценностей его он не разделяет, но для продажи своего архитектурного товара вынужден принимать эстетику клиента. Ч. Дженкс в этой связи отмечал: «...от архитектора не зависит почти ничего, он может только протестовать как гражданин и проектировать здания, противоречащие принятым представлениям, и тем самым выражать сложность ситуации. Он может сообщить об отсутствующих ценностях и иронически критиковать те,

² Похожую классификацию дает Чарльз Дженкс, разделяя западных потребителей архитектуры на три «семиотические группы» — консервативная, претенциозная и «естественная».

которые ему не по вкусу. Но для этого он должен использовать язык конкретной субкультуры, иначе его сообщение не найдет понимания или будет искажено, чтобы соответствовать локальному языку этой субкультуры» [6].

Кич становится имитатором эстетических ценностей в популистском слое архитектуры. Сам термин возник в начале XX в. в кругах мюнхенских художников и обозначает халтуру, безвкусицу. Он нашел свое первоначальное проявление в оформлении журналов, в комиксах, кинопродукции и бытовом украшателстве. Кич сводит искусство к вещи, а «отношение человека к искусству ограничивает псевдодуховным потреблением вещей, вдохновленным прагматистской идеологией» [7].

Кич — явление новое в архитектуре, не свойственное более ранним эпохам и «большим стилям», он — порождение общества потребительской культуры и массовой эстетики. Когда архитектура превращается в товар, в действие вступают законы маркетинга. Изменение конечной цели архитектурного творчества изменило и его первопричину. Проектирование, нацеленное на то, чтобы «делать деньги», рождает стремление угодить покупателю, чтобы «товар» лучше продавался. При этом в ход пускается лесть, создание привлекательных для потребителя идеалов. Кич всегда производит эффект, который способен захватить и увлечь, вызвать удовольствие. В ход идут различные приемы: и ретро, который придает шик всему, и нарочитое создание эксклюзивов, и эпатаж, и создание чего-то забавного. Кич всегда эксплуатирует преувеличенную зрелищность, его отличительными чертами являются броскость, живописность и красивость. Ярким образцом кича в архитектуре стали многие архитектурные объекты, созданные для корпорации Диснея, когда герои мультипликационных фильмов стали крупномасштабными деталями архитектурного декора зданий. Кич рассчитан на банальные эмоции, на радостное узнавание самих себя, своих привязанностей, он говорит на языке заурядного «среднего человека». Ортега-и-Гассет подчеркивал, что «свобода всегда предполагает определенные преимущества: право на неограниченную экспансию личности плодотворно в искусстве прежде всего тогда, когда личность... незаурядна. Но эта же свобода может стать пагубной, если чувства, которым она неограниченно предоставлена, оказываются низкими, пошлыми» [1, с. 168]. Иными словами, демократизация вкусов, нивелирование высокого и обыденного породили кич, который стал выразителем тех тривиальных чувств, которые имеются у большинства представителей современного общества.

Традиционный слой архитектуры направлен также к массовому потребителю, но уже овладевшему культурными навыками. Этот слой архитектуры в соответствии со своим названием поддерживает традиции, комбинирует проверенные идеи. Здесь совершенствуются стандарты, обеспеченные достаточно высоким профессиональным уровнем.

Третий слой архитектуры — элитарный — обращен к предпочтениям культурной элиты общества, обычно такую архитектуру называют авангардной и именно она, как правило, появляется на страницах профессиональных журналов. Хотя чаще всего авангардная архитектура находит себя в небольших объектах, например частных домах для представителей интеллектуальной элиты. Коммерческий успех такая архитектура имеет, если каким-то образом ориентируется на вкусы и интересы массового потребителя.

С точки зрения А.В. Иконникова, развитие архитектуры основывается на взаимодействии только элитарного и традиционного слоев [8]. Однако, на наш взгляд, современная западная архитектура развивается во взаимосвязи всех трех слоев.

Архитектура XX в. столкнулась с неведомым прежде феноменом массового, анонимного потребителя и разнообразием вкусовых ориентаций и субкультур. В массовом обществе единая шкала ценностей распалась. Был сделан шаг от абстракции и канонов «хорошего вкуса» к пестрой действительности, в которой смешалось и прекрасное, и безобразное. Яркой иллюстрацией сложных отношений и процессов, характерных именно для времени массового потребителя, является смена модернизма постмодернизмом в 1960—1970-х гг. Долгое время на протяжении первой половины XX в. в архитектурной идеологии преобладали идеальные представления о содержании, формах архитектуры и о законах архитектурной профессии, совокупность которых получила название «современного движения». Гордая поза пионеров «современного движения», несомненно, характерна для слоя элитарной архитектуры. Но непонятная массовому потребителю эстетика «современной архитектуры» с ее «правдивостью функции» и техницистской однозначностью оказалась не востребована. Отход от образа потребителя как «усредненного горожанина», который покорно, бессловесно и благодарно принимает научно изготовленную, дозированную и гигиеничную «архитектурную пищу», стал одной из наиболее ярких черт постмодернизма, который пришел на смену «международному стилю».

Р. Вентури в своей книге «Сложности и противоречия в архитектуре» (1966) развенчивал традиционную профессиональную замкнутость и «исключительность», которые оторвали архитектурный цех от массовых реальных предпочтений. В этой теоретической работе были сформулированы принципы «включающего» (инклюзивного) подхода к проектированию. Здесь уместно привести его ставшее знаменитым высказывание: «В архитектуре мне нравятся сложности и противоречия. Я не люблю ни произвола или бессвязности малограмотной архитектуры, ни сложности манерно-изысканной живописи и экспрессионизма... Ложная сложность недавно возникла в противовес ложной простоте раннего периода современной архитектуры..., но она представляет собой формализм нового типа, столь же оторванный от действительности, как и прежний культ простоты... Мне нравится сложная и противоречивая архитектура, опирающаяся на все богатство и многозначность современного опыта, включая и опыт, присущий искусству» [Цит. по 9].

Тема массового общества актуальна для современной России. С одной стороны, российское общество испытывает шок от столкновения с массовой культурой в ее западном, «вестернизированном» варианте. С другой стороны, нельзя отрицать того факта, что в нашей стране параллельно западному миру с конца XIX в. также формировалось массовое общество, в том числе и в советский период. Анализируя процесс этого формирования следует отметить важный исторический период — собственно зарождение массового общества в России, который пришелся на 80—90-е гг. XIX в. Это было время промышленного подъема, строительства заводов и железных дорог, формирования единого всероссийского рынка. Решающим фактором в этот период явилось возникновение массового фабричного производства и массового потребителя, создавались целые отрасли производства, обслуживающие новые

массовые общественные потребности. Происходили поначалу малозаметные, касающиеся только части городского населения, затем все более масштабные изменения во всех сторонах повседневной культуры российского общества: в стиле архитектуры и формах одежды, манере общаться, художественных вкусах публики. Отметим тот факт, что в дореволюционный период термин «массовое» не применялся. Главным словом было слово «народ», говорили о «народности» в искусстве, «народной культуре».

Новыми чертами в искусстве стали эклектизм, синтез всех видов и стилей искусств, начиная с традиционного народного лубка до элементов заимствованной культуры, включая античную трагедию, и большая зрелищность. Постепенно изменялась и сама социальная ориентация искусства: из салонного оно становилось по-настоящему публичным, возрастал спрос на все виды художественной продукции [10]. Однако потребности новой (массовой) аудитории были еще слабо изучены. Критики удивлялись эстетической «незрелости» общества, публика, в свою очередь, желала «красивого» искусства. В архитектуре в это время произошел пересмотр принципов стилистического единства классицизма, который уже не отвечал новым вкусам, стали вестись стилизаторские поиски, определяемые вкусами массовых заказчиков. Архитектор оказался в позиции обслуживающего персонала, вынужденного считаться с этими требованиями. Тема «народности» в архитектуре привела к формированию русско-византийского стиля. С другой стороны, расцвели течения, которые развивали западноевропейские направления — неоготика, неоренессанс, неогреческий стиль.

В послереволюционный период процессы «массовости» в обществе развернулись на качественно и количественно новой основе. Во-первых, власть перешла от элитарного слоя к массам, которые представляли рабочие и беднейшие крестьяне. Поэтому в советской России массовая культура социально ориентировалась на потребности гегемона — «низшего класса». Одновременно отвергался набор ценностей западного массового общества — достаток, индивидуальный успех, комфорт, которые были объявлены исторически бесперспективными, «мещанскими». Во-вторых, советский тип массовой культуры был замешан на ценностях доиндустриального, традиционного общества — «общины», которая во многом была характерна для дореволюционной России. К этим ценностям относятся уравнилельное распределение, коллективизм, трудовая взаимопомощь, аскетизм. В-третьих, в СССР создавалась своя профессиональная и политическая элита, включавшая высокооплачиваемых чиновников, работников культуры, ИТР.

Развитие этих процессов привело к изменениям в искусстве и архитектуре. К началу 1930-х гг. архитектура советского авангарда, который по своей сути был элитарным искусством, оказалась невостребованной. В обществе назрела потребность в «более красивой» архитектуре, отвечающей массовым вкусам. Возникновение комфортабельного «сталинского жилья» после 1932 г. было обусловлено реакцией общества на жилые дома эпохи конструктивизма как на слишком примитивные, бедные и недостаточно красивые.

В качестве следующего исторического рубежа в СССР необходимо выделить период 1960—1970-х гг., когда завершился переход от традиционного доиндустриального типа общества к массовому индустриальному, от тоталитарного типа — к потребительскому. Уравнилельно-аскетический идеал те-

рял свою привлекательность. «Сталинский ампир» как стиль советской элиты сменился массовой «хрущевской архитектурой». «Массовое» стало широко употребляемым термином в архитектуре. В широких масштабах велось типовое индустриальное строительство, давшее возможность расселять коммунальные квартиры. Появился термин «массовое жилищное строительство».

В современном постсоветском российском обществе происходят сложные эволюционные процессы, которые трудно однозначно оценить. Правильнее всего охарактеризовать общество как переходное или смешанного типа [11, с. 16]. С одной стороны, в массовом сознании продолжают действовать стереотипы, укоренившиеся за советский период, с другой стороны, в настоящее время активно внедряются образцы потребительской культуры, импортируемой с Запада, в-третьих, в российском обществе появляется своя элита, у которой становятся все более популярными ценности постиндустриальной цивилизации.

Есть и еще одно обстоятельство. Драматизм нынешней ситуации в России усиливается тем, что современные потребительские стандарты западной «массовой культуры» являются достоянием узкого круга лиц. Для большинства населения России эти новшества остаются малодоступными и по ряду причин неприемлемыми. Однако навязываемые визуальные образы, которые создаются западными менеджерами в расчете на «среднего» потребителя, в нашем обществе по-прежнему воспринимаются как символы и знаки отличия, как признаки элитарности. Не выполняет внедряемая в российскую действительность массовая культура и функции социальной адаптации человека к изменяющимся условиям жизни, так как создает неоправданно высокий уровень социальных притязаний, не подкрепляемый соответствующим ростом культуры производства [11, с. 14].

В современной российской архитектуре также мы наблюдаем переходный период, когда архитектура никак не может выйти из состояния неопределенности. Ситуация схожа с периодом конца XIX в., когда массовое российское общество только зарождалось. Здесь и поиски национального стиля, и продолжение традиций «сталинского классицизма», и желание подняться до «евростандартов». В российском обществе сформировался тип заказчика, который воспринимается как элита, претендующая на формирование «высокой архитектуры», в то время как на самом деле этот заказчик очень похож на «средний слой» на Западе. Поэтому он так тянется к западным архитекторам, которые работают в мейнстриме массовой архитектуры. Отечественным архитекторам заказы в этом случае не доверяются, приглашаются западные специалисты, часто даже для того, чтобы выполнить проект загородного поселка — резервации для местной элиты. Но иностранные архитекторы приглашаются не только для таких мелких частных заказов: на самом высоком уровне принимаются решения о том, чтобы в конкурсах на крупные госзаказы участвовали только «мировые звезды» (конкурсы «Сколково», «Газпром-Сити» и др.).

Таким образом, результатом появления массового общества стало расслоение потребителей архитектуры, а следовательно, и формирование соответствующих архитектурных слоев. Элитарный, традиционный и популистский слои рассчитаны на потребности и вкусовые предпочтения своих заказчиков — культурной элиты общества, «высшего среднего класса» и «низкого

среднего класса». Вместе с тем, между этими слоями нет достаточно резких границ. Под воздействием неизбежной коммерциализации общественных отношений рафинированная «высокая» архитектура часто тиражируется и переходит в более низкие слои. В свою очередь, массовый потребитель также порой оказывает влияние на тенденции развития высшего слоя архитектуры, что способствует освобождению профессионального формотворчества от принятых канонов и поиску неожиданных подходов и форм.

Современная архитектура пытается найти ответ на вызовы времени. Среди этих вызовов есть и потребности массового общества, соответственно потребность в массовых видах жилья и обслуживания, массовой идеологии застройки — от демократической до тоталитарной — и в новых формах организации социальных функций в новых формах расселения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991.
 2. *Адорно Т.* Философия современной музыки. М. : Логос, 2001. С. 8.
 3. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М. : Спб. : Университетская книга, 2000. С. 314.
 4. *Вентури Р.* Банальный символизм в архитектуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ussr.to/All/tibelian/korpus/korc.html> (дата обращения: 30.05.2011).
 5. *Борев Ю.Б.* Эстетика. 4-е изд. М. : Политиздат, 1988. С. 401.
 6. *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М. : Стройиздат, 1985. С. 38.
 7. Эстетика : словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. М. : Политиздат, 1989. С. 147.
 8. *Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. I, II. М. : Прогресс-Традиция, 2001—2003.
 9. Мастера архитектуры об архитектуре. М. : Искусство, 1972. С. 543.
 10. *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России середины XIX века. М. : Искусство, 1991.
 11. *Захаров А.В.* Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. № 9.
-
1. *Ortega-i-Gasset H.* Estetika. Filosofiya kultury. M. : Iskusstvo, 1991.
 2. *Adorno T.* Filosofiya sovremennoi muzyki. M. : Logos, 2001. S. 8.
 3. . *Ortega-i-Gasset H.* Degumanizatsiya iskusstva // Samosoznaniye kultury i iskusstva XX veka. Zapadnaya Evropa i SShA. SPb. : Universitetskaya kniga, 2000. S. 314.
 4. *Venturi R.* Banalny simbolizm v arkhitekture [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ussr.to/All/tibelian/korpus/korc.html> (data obrashcheniya: 30.05.2011).
 5. *Borev Yu.B.* Estetika. 4-e izd. M. : Polotizdat, 1988. S. 401.
 6. *Dzhenks Ch.* Yazyk arkhitektury postmodernizma. M. : Stroyizdat, 1985. S. 38.
 7. Estetika : slovar / pod obsh. red. A.A. Belyaeva i dr. M. : Polotizdat, 1989. S. 147.
 8. *Ikonnikov A.V.* Arkhitektura XX veka. Utopii i realnost. T. I, II. M. : Progress-Traditsiya, 2001—2003.
 9. Mastera arkhitektury ob arkhitekture. M. : Iskusstvo, 1972. S. 543.
 10. *Sternin G. Yu.* Khudozhestvennaya zhizn Rossii serediny XIX veka. M. : Iskusstvo, 1991.
 11. *Zaharov A. V.* Massovoe obshestvo i kultura v Rossii: socialno-tipologicheski analiz // Voprosy filosofii. 2003. № 9.

**Поступила в редакцию
в июне 2011 г.**

© Птичкина Г.А., Антофеев А.В., 2011

УДК 72.06

Ю.А. Лаамарти

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ**

В ходе продолжающейся урбанизации и деиндустриализации различных регионов России происходит утрата малыми городами еще недавно привычного облика и функций. Вместе с переживаемым периодом упадка для многих малых городов открывается перспектива их возрождения на основе разработки и реализации комплексных региональных и федеральных программ, а также мобилизации имеющихся местных ресурсов и скрытого потенциала развития.

Ключевые слова:

урбанизация, малый город, инженерная и социальная инфраструктура малого города, деградация, деиндустриализация, комплексная программа развития.

Ju.A. Laamarti

**TOPICAL ISSUES OF LITTLE TOWNS
OF RUSSIA**

The loss of little towns until recently the usual appearance and function is intervened in the course of urbanization and deindustrialization different regions of Russia. Including the twilight period for many little towns the prospect of their revival is opened on the basis development and realization of complex regional and federal programs, and mobilizing of local supplies and latent development potential.

Key words:

urbanization, little town, engineering and social infrastructure of little town, degradation, deindustrialization, comprehensive development program.

Малое всегда вызывает
к нашей нежности,
большое требует лишь уважения.
Карел Чапек

Характер современной цивилизации определяется городами, а малые города — это самое распространенное проявление урбанизации в стране. Именно малые города являются основой территориально-поселенческой системы в большинстве регионов России [1].

К категории малых городов относятся города с населением менее 50 тыс. человек [2]. Они составляют около 2/3 всех городов страны.

Росстат обнаружил официальный статистический справочник «Регионы России. Социально-экономические показатели городов». В нем сообщается, что в Российской Федерации 1099 городов. Из них 779 — малые [2]. Около 70 % малых городов являются районными центрами, что означает сосредоточение в них базовой жизненной инфраструктуры для окружающих поселений и сел. В таких городах размещена почти вся пищевая и сельскохозяйственная перерабатывающая промышленность.

Многие малые города России имеют длительную историю своего существования, начинающуюся в X—XII вв. Необходимо отметить, что практически все будущие большие города в процессе своего развития проходили стадию малого города. История свидетельствует и о фактах обратного перехода значительного числа больших городов в процессе своего развития в категорию малых.

Важно отметить, что для устойчивого развития России приоритетной становится проблема сохранения и развития малых городов — каждого города в отдельности и всех вместе.

В настоящее время, в отличие от больших городов России, которые продолжают динамично развиваться и являются центрами сосредоточения научно-технического и промышленного потенциала, квалифицированных кадров, очагами культуры и искусства, малые города переживают период деградации и вымирания. Процессы распада локальных городских сообществ, разрушения городской инфраструктуры, сворачивание производственной базы и неразвитость местного

самоуправления прочно вошли в жизнь малых городов еще в перестроечные годы. Продолжившиеся в 1990-е гг. социально-экономические реформы только усугубили кризисные явления в малых городах (поскольку реформирование проходило без учета специфики их развития).

На сегодняшний день не существует сколь-нибудь единой общепризнанной типологии пространственных проблем малых городов. Обычно исследователи выделяют отдельные типы или группы близких по сущности проблемных явлений, например экологических, демографических, экономических и т.д., не особо заботясь о комплексном изучении всего круга проблем, с которыми столкнулся среднестатистический малый город. Отчасти отсутствие комплексных исследований объясняется видовым разнообразием малых городов, их порой уникальной исторической и территориальной спецификой (особенностью месторасположения). Тем не менее, можно определить набор проблем, актуальных для каждого малого города:

1) ограниченность экономической базы и невыгодные конкурентные позиции в привлечении квалифицированных кадров и инвестиций, в том числе преобладание одной отрасли промышленности, что означает полную зависимость поселения от градообразующего предприятия. Это явление знакомо по меньшей мере 460 моногородам России;

2) технологическая отсталость большинства промышленных предприятий, высокий уровень износа основных фондов, недостаток мест приложения труда и рост безработицы;

3) крайне неблагоприятная демографическая ситуация, вызванная убылью населения из-за миграции трудоспособного населения и молодежи, превышения естественного порога смертности, отсталости институтов здравоохранения и социальной защиты;

4) низкий уровень развития социально-культурной сферы и инженерно-инфраструктурных объектов.

Можно проиллюстрировать данные проблемы, обратившись к статистике за прошлый год, опубликованной в другом официальном справоч-

Об авторе:

Лаамарти Юлия Александровна –
старший преподаватель
кафедры политологии и социологии,
Московский государственный
строительный университет,
Москва, Ярославское шоссе, 26
Laamarti@yandex.ru

Laamarti Yuliya Alexandrovna –
Senior lecturer of political and social science
department,
Moscow State Construction University

нике Росстата «О составе затрат на рабочую силу» [3]. Анализ статистический данных показывает, что экономика малого города представлена в основном малым бизнесом, т.е. предприятиями, где работают менее 50 человек и где зарплата меньше по сравнению с размером зарплаты за аналогичный труд на крупном предприятии. Так, на малых предприятиях, занимающихся производством готовых металлоизделий, она в 1,75 раза меньше, чем в крупных фирмах, в строительстве меньше в 1,85 раза, в сфере торговли — в 2,1 раза, в пищевой промышленности — в 2,7 раза и т.д. [3]. Здесь приведены примеры тех производств, продукция которых может быть востребована в малом городе. Таким образом, рост прибыли предприятий и доходов населения сдерживается слабым развитием местных городских экономик.

Экономическая и социальная нестабильность наблюдается и в моногородах, где малый бизнес соседствует с одним или несколькими крупными градообразующими предприятиями. И здесь зарплата работника крупного предприятия меньше, чем в областных центрах, особенно в условиях вынужденного простоя производства. В целом уровень жизни населения в малых городах ниже в 1,5—2 раза в сравнении с уровнем жителей крупных городов [3].

Для решения этих и других проблем малых городов необходимо создание соответствующей нормативно-правовой базы, обеспечивающей условия их устойчивого социального, экономического и культурного саморазвития путем активизации собственных экономических возможностей в сочетании с политикой государственной поддержки проблемных городов. Необходима разработка комплексных программ с учетом изучения уже имеющегося европейского опыта устойчивого развития малых городов, направленных на их возрождение.

Помощь со стороны федеральных и региональных властей должна носить целенаправленный характер, не отрицая при этом наличие местных инициатив. При разработке комплексных перспективных программ развития малых городов необходимо учитывать их функциональное значение, конкурентоспособные преимущества, внешний потенциал развития, связанный с общим направлением развития страны, и принимать во внимание благоприятные для развития и ограничивающие его факторы.

Для повышения эффективности и устойчивости развития малых городов органам местного самоуправления рекомендуется расширять набор выполняемых функций, например рекреационных, туристских, транспортных, научно-образовательных, организационно-хозяйственных, что станет залогом успеха в условиях современных рыночных отношений.

В управлении развитием малого города участвуют не только органы местной власти, но и многие другие субъекты управления, т.е. процесс управления развитием носит сетевой характер. Модели управления развитием малых городов, формирующиеся на практике, требуют непрерывного совершенствования в связи с постоянными изменениями во внешней среде. В современных условиях необходимо выработать новые управленческие подходы, нацеленные на восстановление способностей малых городов к самостоятельному развитию и повышению качества жизни населения.

Новые реалии времени дают малым городам новые шансы и перспективы для интенсивного и устойчивого развития в XXI в. Для городов, потеряв-

ших свои прежние функции, предлагается поиск новых отраслей специализации при условии наличия соответствующего потенциала, выполнение функций по обслуживанию населения прилегающих районов.

Обратимся к опыту Ярославской области, органы управления которой активно занимаются развитием различных направлений, одним из которых является развитие рекреационной зоны [4]. На сегодняшний день в 16 из 20 муниципальных образований области реализуются муниципальные целевые программы развития туризма. Подписаны соглашения о сотрудничестве прибрежных территорий Рыбинского водохранилища по развитию индустрии туризма и отдыха и соглашения северных территорий Ярославской области о совместной деятельности по развитию туризма. Ведется разработка проекта развития системы туристско-рекреационных территорий в Ярославской области.

Для развития туристских программ в Ярославской области, большинство городов которой являются историческими и культурными памятниками, организовывалось участие представителей туристского бизнеса области в крупнейших международных туристских выставках, выпуск рекламно-информационных изданий, размещение публикаций в центральных СМИ, проведение рекламно-информационных туров для центральных СМИ и туроператоров. Для информационного обеспечения туристов разработана концепция создания сети туристско-информационных центров; осуществлена подготовка открытия таких центров в Угличе, Ярославле, Ростове, создана специализированная информационно-справочная система «Туризм в Ярославской области» [4].

Основные итоги деятельности (по материалам отчета) свидетельствуют о положительных тенденциях: в 2009 г. область приняла 1390 тыс. туристов и экскурсантов, что больше на 14,3 % по отношению к уровню 2008 г.; увеличилась численность занятых в туристской отрасли области на 2 %; введено в строй 14 новых и реконструированных объектов на 467 мест [4].

Процесс сохранения малых городов должен строиться на плановой основе, иметь регулирующий характер. Усилия местного самоуправления должны подкрепляться постоянным вниманием государства. Необходимо так перестроить налоговое законодательство, чтобы обеспечить заинтересованность малых предприятий в открытии в малых городах новых рабочих мест, модернизации основных производственных фондов, создании новых рабочих мест за счет перемещения крупных промышленно-производственных объектов из крупных городов в малые с более «дешевой» рабочей силой и низкими накладными расходами. Возрождение в малых городах таких направлений деятельности, как ремесла и народные промыслы, развитие переработки продукции сельского хозяйства, повышение степени использования рекреационно-туристского потенциала исторических городов России — главные направления развития. Предоставление малым городам самоуправления, самофинансирования и саморазвития позволит выйти на качественно новый уровень и обеспечит необходимый уровень жизни населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трушков В. Большие проблемы малых городов [Электронный ресурс] // Правда. Режим доступа: <http://gazeta-pravda.ru/content/view/6970/34/>. (дата обращения: 01.05.2011).
2. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов : справочник. Росстат, 2010.

3. О составе затрат на рабочую силу : справочник. Росстат, 2010.
4. Отчет Губернатора Ярославской области об основных результатах деятельности Правительства области в 2009 году. Информационно-аналитические материалы. Апрель, 2010 г. С. 37—38 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yarregion.ru/pressreleases/> (дата обращения: 01.05.2011).
1. *Trushkov V.* Bolshie problemy malyykh gorodov [Elektronnyy resurs] // Pravda. Rezhim dostupa: <http://gazeta-pravda.ru/content/view/6970/34/> (data obrasheniya: 01.05.2011).
2. Regiony Rossii. Osnovnye sotsialno-ekonomicheskie pokazateli gorodov : spravochnik. Rosstat, 2010.
3. О составе затрат на рабочую силу : справочник. Росстат, 2010.
4. Otchet Gubernatora Yroslavskoi oblasti ob osnovnykh rezultatah deyatelnosti Pravitelstva oblasti v 2009 godu. Informatsionno-analiticheskie materialy. Aprel, 2010 g. S. 37—38. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.yarregion.ru/pressreleases/> (data obrasheniya: 01.05.2011).

© Лаамарти Ю.А., 2011

*Поступила в редакцию
в июне 2011 г.*

УДК 364.64-053.81:911.375.4

Е.Н. Новикова

**ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
НА ДОБРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МОЛОДЕЖИ**

Статья посвящена различным факторам, влияющим на особенности добрачного поведения молодежи нашей страны. Эти факторы рассматриваются в зависимости от специфики городской среды.

Ключевые слова:

город, городская семья, брак, добрачное поведение, молодежь, городской образ жизни, городская среда, социальные институты.

Ye.N. Novikova

**URBAN ENVIRONMENT INFLUENCE
ON ANTENUPTIAL BEHAVIOR
OF YOUTH**

The various factors weighted with of antenuptial behavior feature of the youth of our country. These factors are considered depending on specificity of urban environment.

Key words:

city, urban family, marriage, antenuptial behavior, youth, urbculture, urban environment, social institutions.

Об авторе:

*Новикова Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
eienovik@mail.ru*

Novikova Yelena Nikolayevna — Candidate of Sociological Sciences, Assistant professor, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Установки и ценностные ориентации добрачного поведения молодежи, представления о браке и семье складываются не спонтанно, а в течение определенного времени и под влиянием различных факторов: первоначально культуры общества, родительской семьи, важнейших институтов социализации раннего детства, затем школы, дающей образование и подготовку к трудовой и общественно-политической жизни. Велико влияние средств массовой коммуникации, внешкольных учреждений и учреждений образования, сверстников и старших товарищей. Все множество институтов социализации социокультурного пространства определенной территории расширяет кругозор и взгляды личности на мир в целом, на брак и семью в частности, и невозможно выделить, какой из них важнее или влиятельнее. Однако ни один фактор в отдельности нельзя считать полностью ответственным за формирование представлений молодежи о характере будущего супружества и конечный результат добрачного поведения — принятия решения вступить в брак, создать семью или отказаться от этого.

Задача изучения добрачного поведения весьма сложна. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

сложностью добрачного поведения как социально-психологической системы. Добрачное поведение включает в себя большое число всевозможных отношений и взаимосвязей, затруднительно определить все ценности и установки, входящие в структуру этого поведения. В формировании добрачных отношений имеет место значительное количество личностных особенностей человека, участвует социальное окружение, на него влияют социально-экономические и территориальные условия проживания, традиции, обычаи и нормы общества;

отсутствием единого подхода к понятиям «добрачное поведение» и «выбор брачного партнера», единого понимания их сущности и структуры. Понятие добрачного поведения охарактеризовать не просто, так как сложно очертить возрастные границы этого этапа индивидуально-го развития, измеряющегося не астрономическим, а психологическим временем. В некоторых случаях добрачное поведение может быть для

индивида непрерывным процессом активного добрачного поиска. Нет пока единой теории, которая выполняла бы роль теоретического базиса для изучения добрачного поведения, вместо этого имеется значительное количество теорий, направлений с различными, нередко трудно сопоставимыми подходами к пониманию добрачного поведения и брачного выбора;

значительным воздействием обыденного опыта на добрачное поведение. Добрачное поведение — область социальной жизни, о которой каждый человек имеет свое представление, считая его единственно правильной моделью для понимания добрачных отношений вообще. События, происходящие в это время, уникальны, интимны, изменчивы, отличаются отсутствием четких контуров и стандартов. Добрачное поведение воплощает разнообразные человеческие свойства, качества, потребности и вместе с тем характеризуется конструктивными и неконструктивными параметрами.

Под *добрачным поведением* мы понимаем поведение, определяемое биологическими, психологическими, социальными характеристиками индивида, зависящее от социокультурных условий проживания человека, направленное на выбор брачного партнера и детерминирующее характер будущего супружества, эмоционально-психологическое отношение к семейным ценностям, итогом которого, в зависимости от конкретной ситуации, могут быть:

- вступление в брак и создание семьи;
- создание семьи вне брака;
- отказ от вступления в брак и отказ от создания семьи.

Одним из значимых факторов, влияющих на добрачное поведение индивида, является его связь с территорией как условие жизнедеятельности и форма расселения как предпосылка включения в общность, в социальные отношения и контакты. Так, конкретные условия бытия молодых людей и социальные параметры территориальной общности определяют особенности молодежного сознания, диалектическое единство структурных элементов которого и образует побудительно-мотивационные сущности силы молодежи. Каждая территориальная общность характеризуется определенной концентрацией населения, особыми географическими и климатическими условиями, степенью развития производства, уровнем цивилизованности общественной жизни, состоянием и развитием социальной инфраструктуры, благоустройством, традициями и обычаями. Условия социально-территориальной общности, отображаясь в сознании молодых людей, влияют на их потребности, интересы, ценностные ориентации в их поведенческих программах, что, в конечном счете, отражается на социальном облике молодежи.

Городской образ жизни, безусловно, притягателен для молодых людей возможностью профессионального и социального самоопределения, культурного развития. Современные города — это крупные населенные пункты, развитые административные, промышленные и культурные центры, но вместе с тем городская жизнь зачастую связана с трудностями адаптации к не вполне благоприятным социально-экономическим условиям.

В результате трансформации российского общества городское пространство социальных позиций и культурных смыслов предстает как динамичное и противоречивое. Характерные для городской культуры социальные преобразования, происходящие на протяжении многих лет, в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит комплексная

проблема жизненного самоопределения. К противоречивым социальным параметрам городской жизни можно отнести:

анонимность, кратковременность и поверхностность контактов в межличностном общении;

резкое расширение степени свободы человека при одновременном ослаблении социального контроля;

проблемные социально-экономические условия (рост цен, финансово-кредитный кризис, развитие безработицы, преступности);

кризис в нравственно-духовной сфере, распад традиционной идеологии и системы ценностей и отсутствие новой;

уменьшение значимости роли семьи, девальвация конструктивных семейных ценностей;

проблемы социальной идентичности личности, обесценивание жизненного опыта человека;

затухание значимости соседских и родственных связей;

многообразии культурных стереотипов;

неустойчивость социального статуса горожанина и повышение его социальной мобильности;

социальная и профессиональная неоднородность, разделение населения на богатых и бедных;

раздвоение общества на формальное и неформальное, производственное и внепроизводственное;

ослабление влияния традиций в регулировании поведения личности, большая психологическая свобода от социального контроля в повседневной жизни;

разнообразие трудовой и внепроизводственной деятельности населения.

Неопределенность и ценностно-нормативный плюрализм города существенным образом влияют на процесс конструирования юношами и девушками жизненных стратегий в добрачном поведении и их реализацию. В этой связи изучение влияния городской среды на добрачное поведение молодежи приобретает особую актуальность с точки зрения прогнозирования тенденций рождаемости и стабильности воспроизводства института семьи в будущем.

В рамках диссертационного исследования по кафедре социальной работы Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева нами был проведен социологический опрос студенческой молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях г. Саранска. Целью исследования выступила необходимость выяснить факторы, влияющие на брачно-семейные потребности и установки городской молодежи, их взгляды на брак и семью, отношение к семейным ценностям, представление о характере будущего супружества.

Студенческая молодежь, занимая позицию обучающихся в социокультурном институциональном поле, обладает специфической ценностью для общества. Выступая носителем инновационного потенциала развития социума, студенчество располагает особыми (как внутренними, так и внешними) возможностями для реализации своих установок и потребностей в сфере добрачного поведения. Являясь прогрессивной и наиболее активной частью молодежи, именно студенты через свое отношение к брачно-семейным ценностям детерминируют ее добрачное поведение, в значительной степени способствуют изменению самого этого социального института. Субкультура студенческой молодежи имеет свой специфический стиль поведения, выра-

жающийся в одежде, определенном языке общения, наличии сплоченного коллектива академической студенческой группы, норм и образцов поведения в этом коллективе, тесно связанных с доминирующей культурой и в то же время отличающихся от нее.

Полученные в результате исследования данные свидетельствуют о том, что городская молодежь в добрачном поведении репрезентирует противоречивые результаты российской трансформации. Социальные параметры, характерные для городского образа жизни, непосредственно влияют на добрачное поведение и установки студенчества. В частности, нами было отмечено, что ухаживание, сексуальность и ценностные ориентации опрошенной молодежи отделены от матримониальных намерений и имеют самостоятельную ценность. Некоторой долей популярности сегодня пользуются незарегистрированные браки (сожителства), нередко рассматриваемые молодыми горожанами как временные и непременные ступени к правовому закреплению эмоционально и психологически оправдавших себя отношений. Объединяющим в ценностных ориентациях как юношей, так и девушек является то, что они в одинаковой степени стремятся к реализации собственных профессиональных интересов. Получение образования и материальной независимости является для городской молодежи в настоящее время первоочередной ценностью. Студенчество, демонстрируя высокие притязания в различных сферах жизнедеятельности, рассматривает институт высшего образования в качестве основного способа социального восхождения.

В современном городе отмечается усиление открытости и толерантности в молодежном добрачном общении, оно становится более разнообразным по составу участников, социальным и образовательным показателям. Подобные тенденции во многом определяются теми изменениями, которые происходят в городской семье и относятся к разряду глобальных:

все большую популярность для горожанина приобретает образ внесемейной жизни, ценности свободы от семейных обязательств и самореализации в профессиональной деятельности, что поддерживается и всей экономической системой, предпочитающей работника, не обремененного семьей и детьми;

более распространенной для городской семьи становится следование нормам малодетности, чем многодетности. Снижается количество детей в семье, вплоть до их полного отсутствия;

уровень брачности в современном городе снижается, увеличивается количество людей, выбирающих альтернативные (внебрачные) формы семейных отношений, становится все больше разведенных и неполных семей, матерей-одиночек;

отмечается переход ряда функций городской семьи к другим социальным институтам, в результате чего многие семейные узы утрачивают свою ценность и прежнее значение;

происходит процесс «размывания» системы поведенческих норм в сфере брака и семьи, представлений о содержании семейных ролей.

Подобные изменения в семье не могут не сказываться на добрачном поведении современной молодежи. В городской семье происходит ослабление социально-психологического эффекта общности, что ускоряет разрыв преемственности между поколениями. В этих условиях молодежь обретает ценности во многом самостоятельно. Если в прошлом культура через механизм со-

циального воспроизводства определяла выбор брачного партнера интересами рода, семьи, сословия и индивид подчинялся нормам, принятым в обществе, то сегодня молодежь во многом свободна в своем поведении. Сфера общения городской молодежи становится более дифференцированной и избирательной. Ценностные ориентации юношей и девушек утрачивают матримонильную монополию: любовь, эмоциональные контакты и сексуальное удовлетворение представляют для них ценность сами по себе и не всегда соотносятся с вопросом о заключении брака, создания семьи. Все это, на наш взгляд, является общим следствием трансформации и снижения регулирующего потенциала общественных норм в отношении добрачного поведения молодежи в городской среде.

Тем не менее, результаты социологического опроса показали, что большая часть респондентов (практически все) имеет положительные репродуктивные установки, предполагает в будущем вступить в законный брак, создать семью. Вероятно, несмотря на формирование новых взглядов на семью, в обществе еще достаточно силен тысячелетний опыт семейных традиций. Молодые люди, так и не вступившие в брак, не создавшие в свое время семью, не родившие детей, оказываются периферийными индивидами. Имеется в виду, что они не оцениваются по критериям «хорошие» или «плохие», оценка идет по показателям соответствия неким социальным нормам и стереотипам, имеющим давние традиции и еще глубоко закрепленным в общественном сознании, которые гласят: «Человек обязан иметь детей, семью, брак должен быть законно зарегистрирован».

На протяжении долгого времени социальный институт добрачного поведения постоянно видоизменялся, меняется он и сейчас, эволюционирует вместе с изменениями, происходящими в обществе. Сегодня брак не является обязательным условием существования человека. Изменился сам процесс выбора брачного партнера, долгое время доминировавшие экономические мотивы в большинстве своем уходят на второй план. Совершенствуется молодежное добрачное общение, усиливается его открытость, которая проявляется в разнообразном составе участников, не ограниченных пространственными рамками. В настоящее время брак становится добровольным делом двух молодых людей, которые даже при наличии экономической зависимости от родителей нередко не посвящают их в свои намерения.

В условиях современного города подготовка молодежи к браку и семейной жизни обозначилась как актуальная социальная проблема. Это связано с кризисными процессами, затрагивающими институт семьи и выражающимися в неуклонном росте разводов, социального сиротства, семейного насилия, девальвации конструктивных семейных ценностей. Причем сегодня тревогу вызывает даже не столько количественное сохранение семей, сколько качественное, а эта проблема в первую очередь связана с воспитанием личности семьянина.

Подготовка молодежи к браку и семейной жизни как процесс формирования определенных брачно-семейных установок и ценностей может осуществляться, во-первых, массовой культурой, семьей и/или близким окружением; во-вторых, квалифицированными специалистами, педагогами в рамках системы образования. При этом процесс воспитания личности семьянина, как и любой другой подобный процесс, представляет собой совокупность воспи-

тательных взаимодействий. При этом одни взаимодействия могут носить целенаправленный характер (ученик — учитель; студент — преподаватель), другие характер стихийный (подросток — влияние улицы).

Необходимо, на наш взгляд, отметить, что в обыденном сознании имеет место стереотип, согласно которому молодые люди по достижении определенного возраста уже полностью готовы к созданию семьи. Подготовка молодежи к браку видится сторонникам данной точки зрения в реализации лозунга: «Раньше молодежь ничему не учили, а семьи были крепкие». На наш взгляд, данный подход является упрощенным и неправильным. В настоящее время сфера запретного в культуре заметно сузилась, социально и морально принимается ранняя добрачная сексуальность и сожителство, брак и семья зачастую перестают быть прямо сопоставимыми понятиями, растет число детей, рожденных вне брака, и это воспринимается как нормальное явление.

Несомненная проблема, что городская молодежь основную информацию, касающуюся брачно-семейной подготовки и сексуальной грамотности, черпает из семьи, от сверстников, телевидения, но не от тех институтов, которые должны эту подготовку профессионально организовывать. Помощь и роль школы, вуза, медицинских и социальных учреждений явно недостаточна, хотя именно эти институты должны занимать важное место в социальной системе формирования личности семьянина и устранять те пробелы, которые могут образоваться под влиянием других субъектов, целенаправленно или спонтанно осуществляющих подготовку к браку и семье. Было бы наивным считать, что сверстники, старшие товарищи и, как правило, развлекательно-эротические ток-шоу на телевидении ее обеспечивают, их влияние не всегда бывает позитивным и поддается регулированию. Именно они оказываются основными источниками информации о половых различиях и сексуальном поведении, но нередко эта информация неточна и откровенно опошлена.

Подготовка молодежи к браку должна носить целенаправленный характер, выходить за рамки бытового научения и осуществляться квалифицированными специалистами с учетом потребностей отдельной личности и интересов общества. Необходимо акцентировать внимание и на том, что специальная добрачная подготовка — это не сообщение или научение определенным навыкам брачно-семейных взаимодействий. Браку и семье нельзя научить. Можно способствовать целенаправленному процессу развития всей гаммы социальных и личностных знаний, способствующих осознанию особенностей и ценности брачно-семейных отношений, сохранения семьи, основанной на браке, ее настоящего и будущего. Например, это знания, связанные с законодательством о браке и семье, политикой государства в области брачно-семейных отношений и демографии, важнейшими положениями семейного права об обязанностях супругов по отношению друг к другу, детям и обществу с точки зрения закона и морали. При добрачной подготовке важное значение имеет воспитание у молодежи положительных нравственно-этических и педагогических качеств, уважения к родителям, потребности в воспитании детей, ответственности, чувства долга перед супругой (супругом), культуры интимных чувств. Немаловажны и хозяйственно-экономические навыки, вооружение знаниями о бюджете семьи, культуре быта, умения вести домашнее хозяйство. Добрачная подготовка молодежи должна осуществляться комплексно, родительское воспитание должно подкрепляться участием системы образования.

Разумеется, основным субъектом, осуществляющим подготовку молодежи к браку, была и остается родительская семья с ее традициями и ценностями. Хорошо это или плохо, на наш взгляд, нельзя ответить однозначно. Семья является той первичной социальной основой, в которой дети просто и естественно приобщаются к жизни, усваивают социальные нормы и культурные традиции общества. Но в современных условиях трансформации городского общества интересы, взгляды и ожидания одной семьи могут находиться в противоречии с нормами и ожиданиями социума в целом. К сожалению, в наше время тот уровень добрачной подготовки, который дает семья, уже явно недостаточен, да и не все семьи способны полноценно обеспечить конструктивную подготовку молодого поколения к брачно-семейным отношениям. В силу появления «новых правил» городской жизни принятый во многих семьях образец отношений нередко не может быть использован молодежью без определенной корректировки. Кроме того, многие молодые люди наиболее важный с этой точки зрения период своей жизни проводят вне дома — в студенческих общежитиях, на съемной квартире, усваивая совсем иные добрачные правила поведения.

Проведенное исследование приводит к заключению о непосредственном влиянии городской культуры и социальных параметров городской жизни на добрачное поведение студенческой молодежи. Под их воздействием у студенческой молодежи формируются противоречивые тенденции в добрачном поведении. Данные тенденции проявляются в широко распространяющемся равноправии между юношами и девушками, толерантном отношении к мужским и женским качествам и свойствам, проявлении социальной активности в общении с противоположным полом, четко выраженной самостоятельной позиции по вопросу создания семьи и заключения брака. Это свидетельствует о необходимости создания действенной государственно-общественной системы подготовки молодежи к браку и семейной жизни в условиях городской среды как целенаправленного процесса, включающего множество аспектов, необходимых для всестороннего развития личности, ориентированной на конструктивные семейные ценности. Влияние города на добрачное поведение молодежи противоречиво, однако должное внимание к проблеме добрачной подготовки молодого поколения непременно создаст условия для формирования личности с высокой культурой чувств и поведения, расширит диапазон знаний молодежи, касающихся брачно-семейной сферы жизнедеятельности, что, несомненно, благоприятно скажется на формировании положительных качеств личности будущего семьянина.

© Новикова Е.Н., 2011

*Поступила в редакцию
в июне 2011 г.*

УДК 314.146:325.111

*Е.Н. Коломасова,
Е.С. Романовская,
Л.И. Савинов***СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ
УРБАНИЗАЦИИ**

Рассматриваются проблемы реализации семейно-демографической политики в условиях урбанизации. По результатам социологического исследования, проведенного в городах Дальневосточного федерального округа, дается оценка соответствия федеральных национальных проектов задачам семейно-демографической политики.

Ключевые слова:

Дальний Восток, депопуляция, дестабилизация семейно-демографических процессов, миграция, население, семейно-демографическая политика, урбанизация.

*Ye.N. Kolomasova,
Ye.S. Romanovskaya,
L.I. Savinov***FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY
IN URBANIZATION**

The gaps of family and demographic policy realization in the urbanization are considered. According to the social research results done in towns of Far East Federal District the conformity assessment of federal and national projects of family and demographic policy problem is given.

Key words:

Far East, depopulation, destabilization of family and demographic processes, migration, human, family and demographic policy, urbanization.

Урбанизация (франц. *urbanisation* от лат. *urbanus* — городской) — исторический процесс развития механизма городского устройства, заключающийся в росте городов, увеличении доли городского населения и расширенном воспроизводстве городского образа жизни. Урбанизация как исторический процесс характеризуется повышением роли города в развитии общества, что проявляется в изменении размещения производства и, прежде всего, в расселении населения, его социально-профессиональной, демографической структуре, образе жизни, культуре и т.д. В более узком, демографо-статистическом понимании урбанизация — это рост городов, особенно больших, повышение удельного веса городского населения в стране, регионе, мире (урбанизация населения).

По мнению Э. Гидденса, урбанизация — это глобальный процесс, в который втягивается все большее число стран и который характеризуется неоднозначными последствиями: с одной стороны, — более широкие возможности для экономического и культурного развития, для более комфортного и достойного существования, с другой, — маргинализация и социальная депривация жителей городов [1]. Важной характеристикой современного процесса урбанизации является расширение городских форм и условий жизни на сельские поселения. Урбанизация может сопровождаться миграцией городского населения в сельские поселения, переносом в сельскую местность форм хозяйственной деятельности, характерных для городов (торговли, обслуживания населения по городскому образцу и др.).

В России в XX в. активный процесс урбанизации начался в постреволюционный период. Существенно увеличившийся отток населения из сельской местности в города был обусловлен и изменившимися условиями хозяйствования на селе, и потребностями промышленного развития и индустриализации.

Семейная политика советского государства в условиях быстрого роста численности городского населения была ориентирована именно на городскую семью. Демократизация внутрисемейных отношений способствовала изменению взглядов, сложившихся в обществе ранее, на брак, семью, детность, ограничивала авторитар-

но-патриархальные традиции, свойственные семье конца XIX — начала XX вв., что получило свое дальнейшее развитие в 1920-е гг. Изучение брачности и семейного состояния населения России показывает, что в 1920-е гг. основным типом семьи оставалась семья с брачной парой и детьми во главе с мужчиной. В российских городах семья в 1920 г. состояла в основном из 3—4 человек, сложная семья из 6—7 человек. Снижение количества детей в городской семье было связано с постепенной переоценкой, особенно у молодых женщин, своей роли в браке, семье, обществе и переориентацией их с семейно-бытовых приоритетов на общественные. Происходящие перемены сказывались на изменении традиционного репродуктивного поведения женщин, что проявлялось в усилении контроля над рождаемостью.

В годы НЭПа государство официально признало семью в качестве одной из основных хозяйственных единиц, что было обусловлено экономической необходимостью и не означало переориентации на стимулирование семейных форм производства и лоббирования экономической самостоятельности и автономии семьи. Наличие семейного производства как в городе, так и на селе использовалось властью для преодоления экономического кризиса и рассматривалось лишь как временный компромисс.

С этого периода началась государственная поддержка рождаемости, хотя общие меры помощи семье оставались прежними. С 1926 г. законодательством предписывалась большая ответственность семьи за поддержку близких родственников, особенно это касалось родительской ответственности за воспитание детей, поскольку количество бездомных детей в городах приняло угрожающие масштабы.

В начале 1930-х гг. вследствие индустриализации, коллективизации и массовых репрессий началась масштабная миграция населения, которая, во многих случаях, была насильственной и быстрой. Миграция молодежи в города в поисках работы, разрывы родственных связей, разрушение многовековых традиционных ценностей брака, семьи, детности, пропаганда замены домашнего хозяйства коллективной собственностью стали характерными явлениями 1930-х гг., что не-

Об авторах:

Коломасова Екатерина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63, kolomasova2011@mail.ru

Kolomasova Yekaterina Nikolayevna — Candidate of Sociological Sciences, Assistant professor, Assistant professor of social work department, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Романовская Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, декан кафедры социологии и политологии, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, ул. Портовая, 13, 89148691211 romanovskaya_74@mail.ru

Romanovskaya Yelena Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Dean of political and social science department, Northeastern State University

Савинов Леонид Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63, 89271833377 pashapost@yandex.ru

Savinov Leonid Ivanovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department Chairman of social work, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

непосредственно выражалось в росте внесемейных ориентаций ее членов, изменениях репродуктивного поведения женщин, дальнейшей нуклеаризации семьи.

В целом процесс уменьшения средних размеров семьи имел объективный характер, обусловленный конкретными историческими условиями. Если рассматривать крестьянскую семью, а она традиционно была более многодетной, то на ее средней величине сказались те же факторы, что и на сельском хозяйстве в целом. Помимо семейных разделов, положивших начало интенсивному дроблению семей, выделению самостоятельных, как правило одноядерных семей, следует вспомнить и о снижении общего уровня рождаемости и числа детей в семьях. Заметный след в этом оставила набравшая обороты сельская миграция в город, в процессе которой деревню покидало самое молодое и активное в демографическом отношении мужское население [2].

Население, оказавшись в условиях урбанизации, постепенно меняло свое демографическое поведение, социальное лицо, образ жизни и психологию. Это отражалось на всех уровнях организации общества: на населении города в целом, на отдельных социальных группах (их количестве, составе и организованности), включая трудовые коллективы, соседские сообщества и малые социальные группы — семьи, на особенностях их развития, на жизнедеятельности семей, на формировании самого человека, его образовании, морали, ценностных ориентациях, поведении.

В городе население переходило на другую модель воспроизводства — малодетную семью. Все более четко проявлялся процесс нуклеаризации семей, то есть семьи становились простыми нуклеарными, состоящими из двух поколений (родителей и детей), в отличие от сельских — сложных и многопоколенных семей. Возрастала доля неполных семей с матерью-одиночкой, существование которых в условиях города при патерналистской семейной политике становилось все более возможным.

Уже в 1950-е гг. в нашей стране заметно преобладали семьи с одним-двумя детьми, составлявшие 57 % от общего числа семей, имеющих детей. В то же время семьи с тремя-четырьмя детьми составляли лишь 28 %, а с пятью детьми и более — 15 %, причем преобладали двухдетные и трехдетные. В среднем на одну семью с детьми приходилось 2,76 ребенка, что заметно превышало критический уровень в расчете на одну мать, необходимый для простого замещения поколений (с учетом уровня детской смертности, наблюдаемой в конце 1950-х гг., эта цифра составила 2,45 ребенка), причем превышение обеспечивалось лишь за счет многодетных семей [3].

По мнению В.М. Медкова, фактически то, что в советский период называлось семейно-демографической политикой, будучи в содержательном плане материальной помощью бедным, концептуально и аксиологически отражает политическое предпочтение изолированной нуклеарной семьи с одним-двумя детьми. Спонтанный ход событий именно этот тип семьи делает самым массовым, модальным. Многообразие семейных и демографических структур сведено до унылой тотальности малодетности, до обезличенной стандартности этого единственного типа семьи и репродуктивного поведения. Это само по себе резко ухудшает положение семьи как социального института, который предполагает плюрализм семейных структур, включая многопоколенные семьи с тесными родственными связями или, по крайней мере, нуклеарные

семьи с несколькими детьми [4]. Теоретически эта политика обосновывается необходимостью понять и принять ту модель семьи — городской, малой, нуклеарной и т.п., — которая преобладает в жизни.

В последние годы в России на уровне государства и общества происходило постепенное осознание необходимости проведения активной семейно-демографической политики, ориентированной на семью с несколькими детьми. Основным объектом семейно-демографической политики с учетом демографической структуры населения остается городская семья. Приоритетным объектом является она и на Дальнем Востоке — одном из самых урбанизированных регионов России.

Доля городского населения в регионах ДФО составляет 74,3 % от общей численности населения, а в Магаданской области — 95,3 %, т.е. население Магаданской области самое урбанизированное в России [5]. Это объясняется спецификой социально-экономического развития региона, а также отмечающимися в последние годы существенными изменениями в структуре миграции. Приток населения в г. Магадан и районные центры, который ранее почти отсутствовал, стал занимать все более существенное место в миграционных потоках, что связано с административным переселением людей из-за закрытия предприятий и высокой безработицы (до 95 %) в неперспективных поселках. Возникло такое понятие, как «неперспективный населенный пункт». Главный критерий отнесения поселков к неперспективным — это отсутствие производств и высокий уровень безработицы. Неперспективными сегодня являются 25 населенных пунктов области. Их жителям также предстоит переселение в города.

Сегодня в регионе, так же как и в России в целом, в течение определенного времени реализуется ряд мер по улучшению демографической ситуации, и на данный момент есть возможность дать первые оценки эффективности и своевременности этих мер, а также оценку их адекватности поставленной цели и сложившейся социально-демографической ситуации. Для этого нами в ряде городов ДФО был проведен опрос экспертов, в качестве которых выступили работники социальных служб, здравоохранения, представители научного сообщества, органов власти и управления. Экспертам было предложено оценить вероятность положительного воздействия современных мер по поддержке демографии в наиболее оптимальном их варианте в Дальневосточном регионе. Были получены следующие оценки экспертов:

вероятность относительно высокая. Грамотный подход к решению проблем в демографии способен значительно помочь в решении существующих проблем, однако однозначно говорить об эффективности сложно — 26,8 %;

вероятность сложнопредсказуемая. Любые меры государственной политики не смогут переломить современный демографический обвал. Перелом возможен при привлечении ресурсов за пределами региона и Российской Федерации — 52,4 %;

вероятность крайне низкая. Современный демографический кризис, скорее всего, начало крупного «заваливания» российского общества в демографическую яму. Реальных шансов преломить эту ситуацию до наступления необратимых последствий в экономике, политике, геополитике и обществе нет — 20,8 %.

Экспертами был определен примерный временной интервал, на протяжении которого Дальний Восток сможет почувствовать положительное влия-

ние современных мер социальной политики в области демографии: 10—20 лет — 35 %, более 20 лет — 44,2 %, считают, что эффекты современной политики в области демографии не проявят себя — 20,8 %.

Экспертам было предложено оценить эффективность и своевременность современных мер государственной социальной политики в семейно-демографической сфере в России в целом, на Дальнем Востоке и в Магаданской области в частности. Оценки представлены в табл. 1.

Табл. 1. Оценка экспертами эффективности и своевременности современных мер государственной социальной политики в семейно-демографической сфере, %

Оценка	Меры государственной социальной политики											
	в РФ				в Дальневосточном регионе				в Магаданской области			
	Опережающие	Своевременные	Запоздавшие	Неуместные	Опережающие	Своевременные	Запоздавшие	Неуместные	Опережающие	Своевременные	Запоздавшие	Неуместные
Высокоэффективные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Эффективные	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малоэффективные	—	9,6	54	6	—	6	70,8	8	—	3,6	74,2	7
Неэффективные	—	—	20,4	2	—	—	11,2	4	—	—	12,2	3

Таким образом, большая часть экспертов считает современные меры семейно-демографической политики малоэффективными и запоздавшими, особенно на уровне демографического развития регионального социума. Несколько выше эксперты оценивают результаты реализации семейно-демографической политики на общероссийском уровне, ниже — на Дальнем Востоке в целом, и самые низкие оценки имеют меры семейно-демографической политики в Магаданской области. Сопоставление полученных результатов исследования с показателями демографической статистики, динамики демографических процессов, которая свидетельствует о более глубоком демографическом кризисе в ДФО и Магаданской области в частности по сравнению с Российской Федерацией в целом, позволяет сделать вывод об объективности мнения экспертов.

Важный блок вопросов в нашем исследовании был посвящен анализу рождаемости, сдерживающих ее факторов и оценке стимулирующих ее мер семейно-демографической политики, в частности введения «материнского капитала». В условиях ДФО и Магаданской области порядка 75 % экспертов считают эту меру эффективной в сложившейся социально-демографической ситуации, но эффективной ограниченно или недостаточно. В обоснование можно привести следующие наиболее распространенные мнения:

«материнский капитал» — мера не полностью эффективная, носит «показной» характер при сохранении плохих условий жизни;

да, эффективная, но эффект временный и «материнский капитал» сам по себе не остановит процесс депопуляции.

Эксперты, считающие «материнский капитал» неэффективной мерой (около 25 % опрошенных), в обоснование своего мнения указывают, что отмечаемое незначительное повышение рождаемости — не следствие введения «материнского капитала», а следствие благоприятной демографической структуры (в репродуктивном возрасте находится численно большая группа женщин и рождаемость всегда повышается после спада).

Поскольку повышение рождаемости — одна из основных задач современной семейно-демографической политики, направленной на стимулирование рождения вторых и последующих детей, мы считаем важным выяснить, какие проблемы удерживают семьи от рождения 1-го, 2-го и последующих детей, для того чтобы определить и те проблемные зоны, куда конкретно должна быть направлена семейно-демографическая политика (табл. 2).

Табл. 2. Проблемы, удерживающие семьи от рождения детей, %

Проблемы	1-го ребенка	2-го ребенка	3-го и последующих детей
Финансовые проблемы	6,2	8,8	12,0
Проблемы с жильем	8,8	12,0	12,0
Неуверенность в будущем и другие социальные проблемы, связанные с социальным здоровьем	36,2	32,4	28,4
Социальные проблемы, связанные с развитием девиантного поведения самих родителей, в т.ч. алкоголизм и наркомания	6,0	9,2	11,2
Требования рыночной экономики и стремление быть как можно дольше конкурентоспособными на рынке труда	36,0	30,0	22,0
Снижение значимости детства как такого в общей системе ценностей общества	6,8	7,6	14,4

Таким образом, основными проблемами, удерживающими семьи от рождения первого ребенка, по мнению экспертов, являются неуверенность в будущем и другие социальные проблемы, связанные с социальным здоровьем, а также требования рыночной экономики и стремление быть как можно дольше конкурентоспособными на рынке труда.

Относительно второго ребенка действие этих факторов несколько сокращается, хотя и продолжает оставаться основным. В отношении рождения второго ребенка большее значение приобретают финансовые и жилищные проблемы, а также снижение значимости детства как такого в общей системе ценностей общества. Действие последних проблем в качестве сдерживающего фактора для рождения третьего и последующих детей еще более усиливается. Это отражает преимущественную ориентацию семей на одно-двухдетность и в целом то обстоятельство, что семьи с большим числом детей сталкиваются с более широким спектром проблем, которые могут расцениваться как препятствие для рождения последующих детей.

В условиях жизни в современной России мало у кого может возникнуть сомнение в том, что необходимо усиливать материальную поддержку материнства, в частности увеличивая пособие по уходу за ребенком. Экономическая поддержка рождаемости, материнства и детства особенно важна в регионах с низким уровнем доходов и сложными условиями жизни, к каковым относится и Магаданская область.

Современная семейно-демографическая политика осуществляется в условиях реализации приоритетных национальных проектов. Экспертам в нашем исследовании было предложено оценить соответствие федеральных национальных проектов задачам семейно-демографической политики в Российской Федерации, на Дальнем Востоке и в Магаданской области (0 — не отражает задачи семейно-демографической политики, 10 — полностью отражает задачи семейно-демографической политики). Средний балл по результатам опроса приведен в табл. 3.

Табл. 3. Оценка соответствия федеральных национальных проектов задачам семейно-демографической политики в РФ, на Дальнем Востоке и в Магаданской области по 10-балльной шкале

Национальный проект	В РФ	На Дальнем Востоке	В Магаданской области
«Доступное жилье»	4	5	6
«Образование»	3	2	2
«Здоровье»	3	3	4
«Сельское хозяйство»	2	3	3

В целом эксперты дают невысокие оценки степени соответствия федеральных национальных проектов задачам семейно-демографической политики в Российской Федерации, на Дальнем Востоке и в Магаданской области. Проекты, несмотря на свою затратность, не дают пока ожидаемого эффекта, а следовательно, нуждаются в корректировке, в том числе с учетом специфики регионального социума (худшие показатели здоровья, высокая урбанизированность населения Магаданской области и др.).

Рассматривая проблему формирования населения на Дальнем Востоке и устойчивого демографического развития регионального социума как важную геополитическую задачу, необходимо отметить, что регион нуждается не просто в оздоровлении демографической ситуации, а в создании условий для стабилизации и роста его населения, что невозможно без проведения активной семейно-демографической политики, направленной на всемерную поддержку и укрепление семьи, в которой, как известно, сосредоточен основной репродуктивный потенциал любого региона. При этом необходимо учитывать, что на развитие современной семьи оказывают влияние не только новые нравственные и этические ценности, но и многообразные последствия индустриализации, научно-технической революции и урбанизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 518.
2. Панкратова М. Г. Сельская семья в СССР. М., 1974. С. 36.
3. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 183—186.
4. Медков В.М. Демография. М., 2007. С. 574.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. 2009. М., 2009. С. 69.
1. Giddens E. Sotsiologiya. M., 1999. S. 518.
2. Pankratova M.G. Selskaya semya. M., 1974. S. 36.
3. Borisov V.A. Perspektivy rozhdaemosti. M., 1976. S. 183—186.
4. Medkov V.M. Demografiya. M., 2007. S. 574.
5. Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli : stat. sb. 2009. M., 2009. S. 69.

© Коломасова Е.Н., Романовская Е.С., Савинов Л.И., 2011

Поступила в редакцию в июне 2011 г.

УДК 316.346.32-053.6

С.В. Дашкова

**МОЛОДЕЖЬ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ:
ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ**

Статья посвящена анализу деструктивности городской молодежи, объясняются ее причины, показываются формы ее проявления и выявляются приоритетные пути преодоления деструктивности.

Ключевые слова:
молодежь, городская среда,
деструктивность.

S.V. Dashkova

**YOUTH IN URBAN ENVIRONMENT:
DISRUPTIVE BEHAVIOR
AND ITS DISPLAY**

The analysis of urban youth disruptiveness, the explanation its cause, its form display and the foreground ways its negotiation is discussed.

Key words:
youth, urban environment,
disruptiveness.

Об авторе:

Дашкова Софья Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии ВолГАСУ, (8442)37-18-86 sofja.dashkova@rambler.ru

Dashkova Sofya Vladimirovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor of philosophy, social and mental science department, VSUASE

«Современный мир переживает глубокий кризис — религиозный, духовный и национальный», — эти слова И. Ильина, написанные в первой половине XX в., и сегодня актуальны для современного российского общества. Ухудшение социально-экономической обстановки, рост безработицы и социальная незащищенность людей, их разочарование в жизни, связанное с отсутствием перспектив, приводят к появлению опасной социальной болезни — деструктивности.

Деструктивность — это не просто деятельность, направленная на разрушение чего-либо, а форма активного отношения к миру, особый тип мировосприятия, который может быть представлен как крайняя степень нигилизма, выражающаяся в отрицании человеком этого мира и разрушении основных ценностей — гуманизма, свободы, творчества и самой жизни.

Свои особенности деструктивность имеет в молодежной среде, которая оказывается особенно уязвимой в кризисных условиях.

Молодежь — социально-демографическая общность с характерными возрастными, социально-психологическими особенностями и ценностями, которые обуславливаются уровнем социально-экономического, культурного развития, спецификой социализации в обществе.

Негативные процессы в обществе привели к тому, что в системе ценностей молодежи произошли весьма серьезные изменения, которые охватывают широкий спектр установок, интересов и ценностей — гедонизм, развлекательно-рекреативная направленность, потребительская ориентация, стремление к материальному благополучию в ущерб профессиональной самореализации, прагматизм. Культ денег занимает первое место в иерархии ценностных ориентаций значительной части молодежи.

В молодежной среде достаточно распространенным является представление о том, что достичь высокого положения в обществе благодаря честному труду невозможно. Вследствие этого возможность быстро достичь успеха, стать богатым, часто основанная на криминале, является основой для социальных установок и ожиданий значительной части молодежи.

Одной из сущностных характеристик молодежи является экстремальность, которая представляет собой особый тип сознания и проявляется в чертах социального поведения: агрессивности, жестокости, эпатаже, склонности к риску, отклонении от норм. Обращает на себя внимание неблагоприятная тенденция роста групповой преступности среди молодежи, возникновение криминальной субкультуры (банд, группировок, сообществ). На долю молодежи приходится половина всех преступлений в стране [1].

Молодежные проблемы по-разному проявляются в столице, областном центре, малом городе, в сельских районах и в разных регионах России.

Социальное неравенство как одна из главных причин деструктивности молодежи особенно ощутимо в городской среде. Городская молодежь неоднородная, сложно дифференцированная общность, различающаяся по уровню материальной обеспеченности, образования и другим статусным характеристикам. У большинства молодежи стандарты потребления ориентированы на уровень жизни материально состоятельных групп. Городская среда предоставляет широкий спектр возможностей (от престижных вузов, культурно-развлекательных учреждений до магазинов модной одежды и современной техники), которые для многих молодых людей ограничены. Коммерциализация сферы молодежного досуга, спорта и туризма приводит к тому, что она становится недоступной для малообеспеченных молодых людей.

Результаты опросов населения показали, что 40,3 % молодых россиян относят себя по уровню потребления к низшему слою (социально-имущественным стратам «нищих», «бедных» и «необеспеченных») [2]. Таким образом, образуется слой молодежи, отличающейся повышенными запросами, но не имеющей материальных ресурсов для их удовлетворения. В результате этого острое чувство несправедливости, ущемленное достоинство вызывает у молодых людей обиду, зависть, агрессию и месть. Не случайно, как показывает анализ статистических данных, объем корыстных преступлений, совершаемых молодежью, в настоящий период неуклонно растет [3].

К сожалению, единая статистическая информация о числе преступлений, совершаемых молодежью, отсутствует, и поэтому оперировать можно лишь данными региональной статистики. Статистические данные результатов выборочных исследований показывают, что уровень преступности среди молодежи, проживающей в городах, в несколько раз превышает уровень преступности этой возрастной категории в сельских районах. Следует отметить, что городская среда, создавая предпосылки для объединения молодежи в разнообразные группы, движения, более расположена к формированию преступных субкультур.

Одной из отрицательных сторон сегрегации — разделения по территориальному признаку — является то, что гомогенные группы создаются не на добровольной, а вынужденной основе. Расположения жилья в «неблагополучном» районе с уже сформировавшейся девиантной субкультурой уменьшает шансы молодого человека на собственный выбор круга общения.

Девиантному поведению молодежь учится при взаимодействии с другими индивидами в процессе коммуникации. Городская среда в этом отношении создает наиболее благоприятные условия для проявления различных форм подобного поведения, которые в городе встречаются гораздо чаще в

силу большого количества людей, склонных поддерживать и воспроизводить подобные образцы поведения. Не случайно в списке регионов с высоким показателем преступности среди молодежи значатся города с большой численностью, включая и столицы: Москва, Петербург, Казань.

В регионах России преступность молодежи имеет разные показатели. Причины различия заключаются в особенностях семейных и культурных традиций. Так, например, низкая преступная активность несовершеннолетних в республиках Северного Кавказа объясняется прочностью семейных уз, традиций: характерной особенностью этого региона является многодетность семей и низкий коэффициент разводов. Дети воспитываются в традициях уважительного отношения к старшим, заботе о младших братьях, незыблемости авторитета учителя.

В своем исследовании неформальных молодежных объединений Волгоградского региона С.Ю. Ковальчук отмечает, что молодежь г. Волгограда имеет в своем поведении некоторую специфику, обусловленную сильным влиянием прежних традиций патриотического воспитания, а также расположением города в казачьем крае, где не утрачены высоконравственные, христианские нормы поведения в условиях патриархальной семьи. Он приходит к выводу о том, что именно вследствие особенностей социокультурных традиций, национально-патриотического воспитания и существования различных его форм, в частности в кругу казачества, не получила распространения деятельность экстремистских неформальных организаций [4]. Все эти факты свидетельствуют о значительной роли семьи в воспитании подрастающего поколения, передаче традиций и культурных и нравственных ценностей.

К сожалению, все чаще констатируется тот факт, что в настоящее время семья как институт не способна качественно выполнять свою социализирующую функцию, а компенсация этой функции со стороны других институтов оказывается проблематичной. Материальные проблемы родителей, дефицит свободного времени, недостаток их педагогического опыта и потеря ориентиров влекут за собой разрушение семейных отношений (конфликты, насилие в семье, отчуждение становятся не редкими), утрату семейных традиций и духовных ценностей. Очень часто неформальная среда является для молодого человека единственной сферой социализации, где он автоматически принимает систему ее норм и ценностей, которая очень часто оказывает негативной. Именно неблагополучные с точки зрения социализации и адаптации молодые люди становятся объектами пристального внимания криминальных, экстремистских, террористических групп и сект.

Отчуждение подрастающего поколения происходит не только на уровне семьи, но и на уровне государства. Одно из базовых положений государственной молодежной политики — обеспечение стартовых возможностей молодежи — не реализуется. «Общество говорит его члену, что он свободен, независим, может строить свою жизнь в соответствии со своей свободной волей; «великая игра жизни» открыта для него, и он может получить то, что хочет, если он деятелен и энергичен. В действительности для большинства людей все эти возможности ограничены», — пишет В. Франкл [5].

Сегодня образование стало фактором укрепления социального неравенства, и молодежь ориентируется на такие факторы личного самоопреде-

ления, как материальное положение, социально-профессиональный статус родителей, а также наличие связей для продвижения.

Неудовлетворенные социальные ожидания, связанные с возможностью самореализоваться, изменить обстоятельства и прогнозировать свое ближайшее будущее, у одних вызывают неуверенность, разочарование и социальную апатию, у других — циничное отношение к жизни и озлобление. В этом случае деструктивность молодых людей выступает как социальный протест, который направлен против конкретных жизненных ситуаций, перед лицом которых они оказываются, против несправедливости к ним со стороны общества в лице его представителей.

Подобная ситуация способствует тому, что, обретая социальный маргинальный статус, молодые люди примыкают к различным группам и субкультурам, деструктивная деятельность которых способствует «патологии самовыражения», помогает избавиться от чувства неполноценности и позволяет самоутвердиться, показав другим и почувствовав самому свою силу и значимость. Принадлежность к группе (националистов, экстремистов, террористов и т.п.) дает возможность подчинить другого человека своей власти, сделать его беспомощным объектом собственной воли, унижить его и заставить страдать.

Влияние современных субкультур на деструктивное поведение молодежи является чрезвычайно важным, хотя и недостаточно изученным явлением. Тем не менее, следует отметить, что разнообразные формы деструктивности наиболее ярко проявляются именно в различных неформальных объединениях и субкультурах. Статистические данные о делинквентном поведении во многих странах свидетельствуют о том, что оно является групповым феноменом: от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ молодежных правонарушений совершается в группах [6]. В группе снижается страх наказания, резко усиливаются агрессия и жестокость, снижается критичность к происходящему и к себе.

Однако несмотря на значимость для объяснения деструктивности такого фактора, как социальное неравенство, современные исследования показывают, что молодежная преступность равномерно распределена по всем слоям и не является только продуктом бедности. У представителей среднего класса причинами деструктивного поведения выступают иные факторы, чем чувство несправедливости и переживание неспособности достичь чего-либо. Повышенное стремление к удовольствиям, поиск острых ощущений, скука и желание развлечься толкает молодежь на акты вандализма, употребление наркотиков или преступление ради развлечения. Так, например, вандализм, являясь следствием выплеска отрицательных эмоций, способом времяпрепровождения, связанным с поиском острых ощущений и способом самоутверждения, удовлетворяет потребности молодежи различных социальных статусов.

По мнению А.Н. Скороходовой, разрушения и поломки вследствие актов вандализма существенно меняют воздействие городской среды на эмоциональное состояние личности. Известно, что некоторые характеристики окружающей среды ассоциируются у людей с опасностью и нестабильностью. Разбитые стекла, грубые надписи и рисунки, поврежденные телефоны, мусор и т.п. воспринимаются как симптом социальной деградации среды, признак ослабления социального контроля, что порождает беспокойство, чувство страха и уязвимости. Ощущения беспорядка и упадка, в свою очередь, про-

воцируют дальнейшие деструктивные действия, увеличивают вероятность новых разрушений. Наиболее важным социальным последствием вандализма является то, что усвоенные модели деструктивного поведения в дальнейшем повторяются в усиленной форме. Это означает, что вандализм потенциально содержит опасность разнообразных, в том числе более тяжелых форм агрессивного поведения личности в будущем [7].

О деструктивном влиянии группы на личность также свидетельствует распространение наркомании среди молодежи, которая является групповым явлением, связанным с подражанием старшим и влиянием группы, а также служит показателем определенного социального статуса, атрибута стиля и престижа. Современная ситуация характеризуется тем, что социально-демографическая структура наркотизации молодежи претерпела значительные изменения. Наркотики становятся неотъемлемым атрибутом времяпрепровождения молодых людей, принадлежащих к самым различным социальным слоям и группам. Если раньше наркомания в большей степени была распространена среди малоимущих слоев, то теперь все чаще потребителями наркотиков становятся социально адаптированные и благополучные люди, наблюдаются случаи наркотизации элитарной части российской молодежи — студенческой. В сегодняшней ситуации проблема наркотизации существует в престижных, элитарных учебных заведениях: частных школах и колледжах, практически во всех учебных заведениях [8].

В настоящее время наркомания среди молодежи распространилась и достигла угрожающих размеров. Среди краев и областей с наиболее высоким употреблением наркотиков и психотропных средств выделяются Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский, Приморский и Хабаровский края, Тюменская, Самарская, Московская, Ульяновская, Волгоградская, Омская, Оренбургская, Свердловская, Иркутская области.

Обращение к наркотикам — это результат, прежде всего, социальной неустроенности, неблагополучия, отчуждения в бездушном обществе, утраты или отсутствия смысла жизни. Другой причиной является чувствительность к скуке, свойственная молодым людям, побуждающая их к эксперименту, поиску новых впечатлений и острых ощущений. Так, например, мониторинг наркоситуации в образовательных учреждениях Архангельска показал, что среди молодежи, «знающей вкус» наркотиков, 34 % юношей и 10 % девушек — студенты вузов, 22 и 7,7 % — учащиеся техникумов; 4,4 и 9,2 % — школьники. В мотивации употребления наркотических средств у учащихся и даже студентов вузов преобладают «любопытство» (наиболее часто встречающийся ответ), «за компанию» и «для поднятия настроения» [9].

Кроме наркомании, уйти от реальной жизни позволяет и «виртуальная реальность» — искусственно созданная, противопоставляемая «убогой реальности», оказывающая разрушительное действие на сознание молодежи. Реальные жизненные цели заменяются идеями-суррогатами, реальный мир — иллюзорным, возможным, вымышленным, который способствует загрузке поведенческой манипулятивной программы, лишая возможности адекватно воспринимать реальный мир. Многие деструктивные действия совершаются под влиянием виртуальности, поскольку грань между реальным и виртуальным миром тонка и легко нарушима. Особое место в этом ряду занимают компьютерные игры, основное содержание которых составляет агрессия и насилие. Доступность этих игр неизбежно деформирует сознание молодежи,

стирает грань между виртуальным миром и реальным, что проявляется в росте немотивированной агрессии.

Последствия ухода от реальности широко известны: серьезные нарушения психического здоровья, деградация личности, разрыв социальных связей, рост агрессивности, в том числе и аутоагрессии, крайней формой которой является суицидальное поведение.

В детском и подростково-юношеском возрасте самоубийства вышли на третье место среди ведущих причин смертности. За последнее десятилетие число самоубийств среди молодежи выросло в 3 раза. По абсолютному количеству подростковых убийств Россия занимает первое место.

Следует отметить, что резко возросшее число завершенных суицидов в подростковом возрасте зависит от многочисленных социокультурных условий, которые, как честно признаются ученые, в деталях на сегодняшний день еще не выяснены. Неизвестны причины зарождения суицидальных установок, влияние осознаваемых и неосознаваемых процессов на инициацию суицидального поведения. Практически отсутствуют исследования, выявляющие корреляцию между особенностями развития личности и различными саморазрушительными, деструктивными проявлениями. Существующие методы диагностики и модели профилактики суицидального поведения малоэффективны и нуждаются в разработке.

Особого внимания требует проблема роста доступности для подростков информации, касающейся самодеструктивного поведения. Любой подросток, имеющий доступ в Интернет, легко может найти там такие «интересные» для себя сайты, как «Сто способов самоубийства» или «Все, что вы хотели знать о наркотиках, но боялись спросить». В связи с этим необходимо также отметить роль СМИ в росте деструктивности современного общества. Телевизионные каналы переполнены фильмами со сценами насилия и ужасов: убийство, насилие над животными и людьми, разбой, осквернение чего-либо стало обыденным продуктом массовой информации. Демонстрируемые деструктивные действия являются подзарядкой, ищущей разрешение в асоциальных поступках, поскольку воспринимаются молодежью как доступные и привлекательные способы, позволяющие самоутвердиться в обществе. Кроме того, частый показ насилия по телевидению может привести к тому, что население будет все больше привыкать к насилию.

Следует отметить тот факт, что в настоящее время возможности техники дают возможность молодым людям самим создавать видеопродукцию со сценами насилия и перейти от пассивного созерцания насилия к активному воссозданию деструктивного начала. Видеоролики в Интернете, демонстрирующие жестокость молодых людей, стали распространенным явлением.

Деструктивность является сложным феноменом, поэтому, рассматривая пути преодоления этой социальной болезни, следует иметь в виду, что только одновременное устранение всех причин — социально-экономических, психологических и духовных должно вывести на путь духовного выздоровления общества.

2009 г. и в России, и в Содружестве Независимых Государств был объявлен годом молодежи. В своем выступлении на совместном заседании Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Пре-

зиденте 11 марта 2009 г. президент Д. Медведев обратил особое внимание на необходимость выработки общих основ молодежной политики нашего государства. Он заявил, что молодежь требует самого пристального внимания со стороны государственных институтов и со стороны наиболее влиятельных общественных институтов.

В целях нравственного и гражданского образования молодежи было выделено три направления деятельности. Первый — это создание условий для самореализации молодых людей на основе творческой, инновационной активности. Вовлечение молодых людей в значимое дело, как видится, поможет обрести им нравственную силу и материальное благополучие. За второе направление отвечают религиозные организации, которые вместе с государством сделают все, чтобы не допустить духовного упадка и распространения пессимистических настроений в обществе и помочь молодежи поверить в себя и в возможности государства. В связи с этим возникает необходимость помочь молодежи адаптироваться к непростым условиям жизни. Третье направление деятельности состоит в пресечении проявлений экстремизма и воспитании молодежи в духе толерантности и патриотизма.

Признавая важную роль религии и прежде всего традиционного для России христианства в обновлении ценностей в обществе и его значение для личности в решении трудных смысложизненных вопросов, тем не менее, приоритет в нравственном воспитании молодежи, в ориентации на ценности личной самореализации, в обретении смысла жизни, на наш взгляд, должен быть отдан, прежде всего, институтам семьи, образования и культуры. Следует также признать необходимость увеличения числа служб социальной защиты, реабилитационных центров для оказания психологической помощи молодежи и избавления от деструктивности как установки сознания.

Необходимо также внимательно следить за тенденциями, происходящими в молодежных движениях, поддерживать позитивные стремления молодежи. Участниками молодежных организаций должна быть не только молодежь определенных социальных групп (школьники, студенты), но и те молодые люди, которые не смогли самоопределиваться, найти свое место в жизни и поэтому оказались наиболее уязвимыми перед лицом различных деструктивных организаций.

Необходима разработка новой единой национальной идеи, без которой невозможно развитие российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. 2002. № 10. С. 80.
2. Пасовец Ю.М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социс. 2010. № 3. С. 103.
3. Попов В.Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социс. 1998. № 5. С. 73.
4. Ковальчук С.Ю. Неформальные молодежные объединения в условиях социальной трансформации современного российского общества : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2008. С. 9—10.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла : сб. М., 1990. С. 234.
6. Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Молодежные группировки — опыт пилотного исследования // Социс. 2004. № 9. С. 57.
7. Скороходова А.С. Вандализм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj3-499scoro.html> (дата обращения: 01.05.2011).
8. Девиантность и социальный контроль в России (XIX—XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб. : Алетейя, 2000. С. 235.
9. Леонтьева М.В. Мониторинг девиантного поведения учащихся и студентов Архангельска // Социс. 2007. № 12. С. 104—107.

1. *Lukov V.A.* Osobennosti molodezhnykh subkultur v Rossii // Socis. 2002. № 10. S. 80.
2. *Pasovets Yu.M.* K sotsialnomu portretu rossiyskoy molodezhi: obshie cherty i regionalnaya spetsifika imushchestvennogo polozheniya // Socis. 2010. № 3. S. 103.
3. *Popov V.G.* Molodezh v sfere kriminigennogo vliyaniy // Socis. 1998. № 5. S. 73.
4. *Kovalchuk S.Yu.* Neformalnye molodezhnye obedineniya v usloviyah sotsialnoy transformatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva : avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. Volgograd, 2008. S. 9—10.
5. *Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla : sb. M., 1990. S. 234.
6. *Salagaev A.L., Shashkin A.V.* Molodezhnye gruppirovki — opyt pilotnogo issledovaniya // Socis. 2004. № 9. S. 57.
7. *Skorohodova A.S.* Vandalizm [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj3-499scoro.html> (data obrasheniya: 01.05.2011).
8. Deviantnost i sotsialny kontrol v Rossii (XIX—XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmysleniye. SPb. : Alteya, 2000. S. 235.
9. *Leontyeva M.V.* Monitoring deviantnogo povedeniya uchashihsya i studentov Arkhangelska // Socis. 2007. № 12. S. 104–107.

© Дашкова С.В., 2011

Поступила в редакцию
в июне 2011 г.

УДК 366.12:325.111

Д.Р. Дасаева

**СТРАТООБРАЗУЮЩИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ
В УРБАНИЗИРОВАННОМ
СОЦИУМЕ**

Анализируются пути формирования социальных страт, базирующихся на потребительских практиках в урбанизированных странах, импортирующих институциональные основы западного рыночного общества. Особое внимание уделяется критике гипотезы о потребительских отношениях как основе социальной стратификации.

Ключевые слова:

неравенство, стратификация, потребление, габитус.

D.R. Dasayeva

**STRAT FORMING POTENTIAL
OF CONSUMER BEHAVIOR IN
TOWNTY SOCIETY**

The ways of social strat based on the consumer practices in urbanized countries which imported the institutional principles of western market society are analyzed. Special attention is given to the critics of hypothesis for consumer attitude as social stratification basis.

Key words:

inequality, stratification, consumption, habit.

Об авторе:

Дасаева Динара Рашидовна – аспирант кафедры социологии и менеджмента, Российский государственный торгово-экономический университет (Волгоградский филиал)

Dasayeva Dinara Rashidovna – Post-graduate student of social science and management department State University of Trade and Economic (Volgograd branch)

Неравенство — одна из центральных тем социологии. Непреходящее значение она имеет и для российской общественной мысли. Процессы социальной дифференциации последних десятилетий в России не снижают активности, чем объясняется интерес к изучению политических, экономических, психологических факторов, оказывающих влияние на социальное расслоение. В поле зрения ученых — структура неравенства, отношения, формирующие социальные диспозиции, динамика и тенденции их развития. Задачи, которые при этом ставятся, решают вопросы оценки созидательного и разрушительного потенциала социальной динамики общества с целью прогнозирования ее последствий.

Наиболее актуальными в российской социологии продолжают оставаться вопросы определения типа неравенства, формирующегося в российском обществе, и поиска универсального подхода для теоретической экстраполяции текущих тенденций. Пока не очевидно, происходит ли восстановление капиталистически детерминированного материального и социального неравенства (в рамках классового подхода), то есть классического классового неравенства, или же возникает неравенство нового типа, на новой социально-экономической и глобально-политической основе, для которого применимы теоретические рамки стратификации.

Стратификационный анализ в зарубежной социологии стал распространенным в XX в. как в связи с политической необходимостью вытеснения классовой доктрины, так и в связи с пониманием многомерности общественных связей и образуемых ими обособленных социальных диспозиций. В общественных науках России освоение новой парадигмы происходило уже в условиях разработанности стратификационных моделей западными классиками социологии [1—4]. Поэтому отечественная социология, исследуя структуру российского общества, уделяет внимание в основном поиску и воссозданию третьего сословия, среднего класса, что сопряжено с необходимостью адаптации заимствованных концепций к данным, полученным в российской исследовательской практике [3, 5—8].

Развитие отечественной социологии в этом плане отражает некоторым образом и развитие общества в целом, так как в ряду импортируемых ценностей оказались не только социологические теории, но и институциональная основа западного общества: институты и институции, интеллектуальный ресурс специалистов по управлению, финансам, технологиям, практики сборки социальных и политических субъектов, производственные технологии, их продукция, модели образования, культуры, а также стили поведения.

Стили поведения — габитусы — под постоянным вниманием со стороны зарубежной социологии. Нельзя утверждать, что они позиционируются в качестве основы западного общества, но в отношении переходных обществ, таких как российское, в которых социальная основа складывается под сильным влиянием заимствованных моделей, габитусы (поведенческие практики) рассматриваются как вполне подходящая категориальная база для описания общества, его структуры, конфликтов, противоречий, тенденций.

Так, Б. Хельшер и Р. Дитрих, хотя и отмечают процесс принятия ценностей и норм западного общества в поведении ряда групп российского общества, вместе с тем отказывают отечественному социуму в серьезности намерений стать европейским на деле. Авторы указывают на имитационный характер освоения россиянами западных потребительских и социокультурных практик: «Они используются, фактически, без овладения стоящими за ними на Западе ценностными и нормативными образцами: имитируется, таким образом, скорее модная «видимость», а не интернализованное «бытие» [9].

Немецкие ученые объясняют это тем, что при желании казаться европейцами группы российского общества не очень усердны в том, чтобы быть таковыми внутренне. Действительно, для высокостатусных страт крупных российских городов подобная имитация в современных условиях (при широких финансовых возможностях) вполне достижима и не обязывает их принимать на себя еще и внутренние императивы «европейскости».

Описывая поведение этих групп-имитаторов, ученые подчеркивают, что стили жизни выставляются ими демонстративно, как социальные маркеры, при этом маркируются не индивидуальные ценности (как на Западе), а достигнутый уровень потребления [9]. И что особенно важно, эта стилизация осуществляется на манер «демонстративного потребления» — так как его описал один из первых интерпретаторов классового подхода в стратификационном ключе — Торстен Веблен [10].

Причиной склонности российских страт потребителей к имитации ученые объясняют слабостью среднего класса, поскольку реальные возможности разместиться на лестнице страт низки (ввиду социально-экономической однородности населения), постольку формируется показная претензия на желаемую ступеньку, что выражается в стилизации поведения. Ученые полагают, что тенденции стилевой индивидуализации воспринимаются в российском обществе как проявление маргинальности, а экономически, ментально, нормативно они не укоренены [9].

Безжалостный вердикт российским группам потребителей, которые искренне хотели бы стать европейцами хотя бы внешне, слабо напоминает действительный научный анализ неравенства и скрывающихся за ним практик российских социальных страт. И хотя немецкие исследователи верно фиксируют отсутствие среднего класса, но делают это на основании наблюдений за порождающими его социальными практиками преимущественно урбанизированных групп российского общества.

Отсутствием среднего класса принято объяснять многие политические, экономические и социальные проблемы российского общества, но к раскрытию общественных противоречий это не приближает. И надо признать странной попытку объяснять причиной отсутствие этой же причины. Неясно также, как понимать различие в качестве одних и тех же стилей поведения, но интерпретируемых зарубежными учеными в качестве типа *master* (ценностно-нормативно усвоенных в Европе) и *copy* (бездуховно воспроизводимых в России). Надо ли понимать это так, что деловой стиль одежды, поведения, жизни на Западе подкреплен ценностно, а в России это лишь подражание и слоя деловых людей в стране нет, а только имитация; правильно ли считать, что стиль современного ученого, студента, домохозяйки, городского пижона или клошара в Европе имеет какое-то непередаваемое оригинальное ценностное содержание, которого российские группы лишены, оставаясь в тени своих европейских образцов? Подобный вывод напрашивается и придает явно шовинистическую окраску научным изысканиям этих зарубежных ученых.

Такой вывод может быть даже справедливым в отношении процесса освоения, адаптации социальных практик урбанизированного рыночного общества. И тогда легкость в имитации европейских габитусов группами российского общества следует понимать как свободное самоопределение, более раскованное, чем в образцовых социумах. Российские страты в данном случае действуют не догматично, не сектантски, а более свободно и в комбинации приемлемых социальных практик формируют свои габитусы.

Кроме того, следует учесть, что имитация и подражание имеют всеобщий характер, так как это механизм научения вообще, в том числе и нормам социального поведения. Успешный, необразованный, раскованный основатель фирмы Microsoft Билл Гейтс — это образ, которому подражают слои IT-специалистов и бизнесменов во многих странах.

Вряд ли можно отрицать тот факт, что отдельные усвоенные элементы поведения могут формировать устойчивые габитусы, на выявлении и анализе которых социологи строят стратификационные гипотезы. Если это так, то и потребительские практики, коль скоро их можно разделить на подгруппы, способны становиться средством «теоретической стратификации». Некоторые социологи указывают и на возможность реальной стратифицирующей, то есть разделяющей силы потребительских габитусов.

В. Радаев обращает внимание на то, что масштабы и характер потребления не просто отражают сложившееся в обществе неравенство в распределении ресурсов, но потребительские практики становятся средством, активно производящим это социальное неравенство. Потребление, таким образом, оказывается не конечной целью, а лишь инструментом реализации более сложных социальных стратегий классовой и статусной дифференциации [11, с. 9]. Кроме того, и сами функции товаров не сводятся к использованию их полезных свойств, становясь также важным средством социальной дифференциации в обществе [11, с. 12]. Это, на наш взгляд, очень ценные выводы, касающиеся вопроса механизма социальной идентичности, однако механизм стратифицирующего воздействия потребления нуждается в уточнении.

Глубокий социальный смысл укоренения потребительских практик состоит в том, что они становятся новым средством дифференциации, оживляя социальные принципы отношений, которые после уничтожительной мировой

войны стали вытесняться нарастанием однородности общества. Потребительские габитусы стали средством энтропии социальной системы, испытывающей на себе действие интегративных тенденций.

Трудно не согласиться с В. Радаевым в том, что определенные потребительские практики предписывают человеку определенные формы действия. Можно добавить к этому то, что они удобным образом — методом мягкой силы — фрагментируют социум. В итоге в структуре хозяйственной мотивации возрастает доля принудительных элементов, обусловленных первоначальным потребительским выбором [11, с. 15].

«Неумеренное потребление стало потребностью, контроль над которой недоступен индивиду, — писал Г. Маркузе, — эта потребность порождается обществом и используется как новое средство контроля» [12, с. 12].

Действие этой мягкой стратифицирующей силы основано на закономерностях социально-психологического характера. Соотнесение с неким социальным слоем происходит в силу привычки восприятия однородных поведенческих признаков. Эта привычка восприятия различным образом оказывает свое действие в традиционном аграрном и современном урбанизированном социумах, различаясь по уровню свободы влияния референтных групп на личный выбор стиля поведения.

В современном социуме площадкой презентации референтными группами своего стиля является массмедиа. Как показал М. Петренко, современные медиаканалы являются средствами «материализации» общественного сознания и именно медийная сфера представляет габитусы для подражания, а также полную программу того, как следует реализовать соответствующую культуру потребления [13].

Медиаосознание обращается напрямую, как краткими и внятыми лозунгами рекламы, так и латентными средствами героизации образов представителей референтных групп. Обладание вещью прочно связывается с наличием какого-то качества, например, реклама губной помады: «Лореаль Париж — ты этого достойна». Связь: *приобретение* губной помады — *обретение* достоинства. А к губной помаде данной фирмы прикреплен ассоциативный ряд — образы театра, принца, ночного Парижа, то есть все впечатления, что прилагаются бесплатно к данной вещи. Стратификация на «достойных» и «остальных» вполне уместна в данном ассоциативном ряду, и согласно вброшенной идее этого ряда попадание в круг «достойных», для которых доступны театр, принц, ночной Париж, просто следует за определенной потребительской практикой. Таким образом формулируется «приглашение» в потребительские практики, сегментирующее потребителей по стереотипным габитусам, или иначе — популяризация стереотипных габитусов с оснащением их товарной символикой.

Необходимо отметить, что этот путь — потребительство — путь свободного выбора личности. Вряд ли можно утверждать, что этот выбор навязан, как пишет С. Кара-Мурза [14, с. 378—384], он скорее подсказан, ведь ставить себе задачи, решать их ради осуществления выбранного пути вполне по силам сознательной, активной, действующей массе населения.

Позитивной чертой потребительского процесса является еще и то, что он представлен источником достижения счастья представителем любого социального слоя. В нем действует принцип равенства предложения. Массмедиа

уравнивают все классы, страты, группы, представляя потребительский рай. В нем нет никакого напряжения, вызываемого разделением на слои. Пенсионеры обретают чудо-лекарства, дети — сладости, собаки — пищевой баланс, домохозяйки — чудо-технику, мужчины — авто-мечту, молодежь пребывает на нескончаемой вечеринке, труженики наслаждаются крепким пивом после смены, болельщики — победой своей команды. Мир без противоречий, со всеобщим счастьем и безо всяких стратификаций кроме вполне естественных — по интересам, но это даже не страты, не слои, которые давят друг на друга, а ячейки, соты, наполненные медом.

Так кто же и что стратифицирует общество и как действует в этом плане механизм потребления? В. Радаев убедительно показал качественный состав консьюмеризма, а именно то, что существуют типы товаров, которые выделяют и определяют социальный класс, их потребляющий, но при этом исследователь раскритиковал экономический подход в оценке количественной стороны потребления как критерия стратификации. Объемы потребления, как считает В. Радаев, не могут быть качественными показателями социальных разрывов, что соответствует тезису Д. Бурстина о том, что важность статусных мотивов объясняет, почему различия в стилях потребления зачастую не зависят от толщины кошельков, ибо потребительский выбор становится средством присоединения к определенному «сообществу потребления» [15].

По-существу, такое превосходство идеальных факторов (как они названы в теории символического потребления П. Бурдьё [16]) над материальными ведет именно к символическому (без кавычек) различию между стратами, потребляющими разные символы. Таким образом, стратификация становится делом вкуса, воспитания, особенностей восприятия каких-то культурных нюансов. При этом экономические факторы кажутся малозначимыми на фоне того, что, действительно, отдельный человек ограничен собственной физической конституцией и не может потребить больше 2 кг мяса в день, одеть одновременно больше 1 пары обуви, потратить на развлечения более 24 часов в сутки, двигаться на двух автомобилях разом и т.п. Кроме того, состоятельный человек подсознательно не накапливает потребляемое впрок, имея возможность отложить это потребление (то, что не может позволить себе человек с рисковыми доходами), а также малые энергетические затраты представителей праздного класса на труд могут вполне возмещаться диетическим питанием. Наконец, праздный класс имеет возможность сосредоточить внимание на стилистике собственного потребления, уделяя этому время, интеллектуальные силы, дополнительные средства и т.п., располагая свободным временем, чего нет в избытке у трудящегося класса. Потребление — это не только непосредственно приобретение в магазине некоего товара, это пролонгированный процесс извлечения из него потребительских благ.

Таким образом, мы полагаем, что уровень доходов-расходов, безусловно, является ключевым признаком потребительской стратификации и весьма трудно доказывать, что праздный класс не потребляет физически в количественном и качественном выражении на порядок больше других классов. Весь доход распределяется, и утверждать, что в состоятельных кругах широкого размаха достигают заботы о приобретении доходов для самих доходов (узкий слой любителей финансового азарта — отдельный предмет), а не для расширения расходной части, то есть для потребления, — значит не замечать очевидного.

А подобные факты как раз говорят об обратном: тенденции роста потребительства по объемам — в их физическом, а не символическом выражении, как раз и стали содержанием жизни не только и не столько высших слоев западного общества, сколько средних слоев, что породило потребительский бум в США в 1980—2008 гг.

Именно этот стимул, выраженный в достатке личных финансовых средств, породил образы урбанистических респектабельных групп,* способных благодаря достатку сформировать (и при помощи медиа отточить) свою поведенческую стилистику, которые стали тем атласом стилей, имитируемых во многих странах, в том числе и в России.

Таким образом, сформулируем основные гипотезы о механизме стратифицирующей силы потребления.

1. Догоняющее развитие, при котором стремление следовать образцу не имеет прочной собственной основы, а также соответствующих ценностей, убежденности, идеологии. Преодоление долгого пути в ограниченные сроки предопределяет выбор между «выращиванием» габитусов и импортом готовых моделей поведения в пользу последнего.

2. Периферийное сознание, при котором национальные ментальные особенности не позволяют выработать собственную поведенческую стилистику (как, например, карго-культы в бывших европейских колониях). Созданный культурой метрополии образец для подражания укореняется в местной культуре как лучший и современный (группы устремления, воображаемые группы).

3. Мягкая стратификация, при которой из теории через дискурсивные и социокультурные практики продвигается искусственное разделение на амбивалентные страты. Это выкройка социума по лекалам западного общества, в котором накоплены знания о механизме потребления, поведенческих стимулах-реакциях и технологически отработаны пути, по которым процесс потребления осуществляется наиболее эффективно, а это, в свою очередь, тянет за собой и разделение по стратам.

Мы придерживаемся третьей гипотезы, которая учитывает рыночную и технологическую детерминанты стратификационных процессов. Имитирующий характер социальной идентичности в этой гипотезе может быть объяснен тем, что в странах — импортерах рыночной институциональной основы происходит обратный процесс — от потребления к стратификации. На западе потребительское общество вызревало из развития рыночных отношений, и обществоведы — психологи, социологи, политологи — улавливали его интенции, описывая потребительские практики. Вслед за ними совершенствовался маркетинг, подстраиваясь под выявленные формы взаимодействия, групповые нормы, индивидуальные предпочтения. Маркетинговые технологии предложения, предугадывания, манипуляции сознанием формировались десятилетиями.

Затем в новооткрываемых глобальным рынком странах в процессе экспансии западных технологий торговли именно эти нормы торговли плюс исследовательские нормы (социология, маркетинг, политология), плюс политические и идеологические технологии, плюс интенсивная урбанизация стали теми факторами, что революционизируют габитусы. А так как иных стратифицирующих факторов экономикоцентрируемая и, более того, — торго-

* Стилистика маргинальных групп — также рыночно-медийное явление социальной стратификации, однако раскрытие механизма их становления в задачи статьи не входит.

центрируемая модель общества не принимала, сталкивая на обочину прежние социальные практики (преимущественно традиционно-аграрного типа — кооперация, взаимопомощь, авторитетное подчинение, осмысленный почетный труд, примат общественного блага над личным), то общественное сознание — медиасфера — активно продвигала рыночно приемлемые, известные потребительские практики городских социумов. Их освоение открыло широкие просторы для формирования новых страт, которые другим путем — кроме имитации — не могли быть приняты группами российского социума, смело ставшими на путь социального эксперимента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 75—85.
 2. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.
 3. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
 4. *Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
 5. *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Академия, 2001.
 6. *Голенкова З.Т.* Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
 7. *Гордон Л.А.* Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
 8. *Радаев В.В.* Социальная стратификация. М.: Аспект-пресс, 1996.
 9. *Хельшер Б., Дитрих Р.* Россия идет на Запад? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.tuad.nsk.ru/Author/Engl/H/Hulscher/9holsh.htm> (дата обращения: 01.05.2011).
 10. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
 11. *Радаев В.* Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1.
 12. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
 13. *Петренко М.В.* Дальнейшая экстернизация общественного сознания // Национальные традиции в торговле, экономике, политике и культуре: материалы VII Междунар. науч.-практич. конф. в рамках Васильевских чтений: сб. Ч. IV. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008.
 14. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004.
 15. *Бурстин Д. Дж.* Сообщества потребления // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 247—248.
 16. *Бурдые П.* Различение // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
-
1. *Golenkova Z.T., Igitkhanyan E.D.* Sotsialnaya struktura obshchestva: v poiske adekvatnykh otvetov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 7. S. 75—85.
 2. *Veber M.* Osnovnye ponyatiya stratifikatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 5.
 3. *Sorokin P.* Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. M.: Politizdat, 1992.
 4. *Burde P.* Nachala. M.: Socio-Logos, 1994.
 5. *Belyaeva L.A.* Sotsialnaya stratifikatsiya i sredni klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitiya. M.: Akademia, 2001.
 6. *Golenkova Z.T.* Transformatsiya sotsialnoy struktury i stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva. M.: Institut sotsiologii РАН, 2000.
 7. *Gordon L.* Poteri i obreteniya v Rossii devyanostykh: istoriko-sotsiologicheskie ocherki ekonomicheskogo polozeniya narodnogo bolshinstva. M.: Editorial URSS, 2000.
 8. *Radaev V.S.* Sotsialnaya stratifikatsiya. M.: Aspekt-Press, 1996.
 9. *Khelsher B., Ditrikh R.* Rossiya idyot na Zapad? [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://history.tuad.nsk.ru/Author/Engl/H/Hulscher/9holsh.htm> (data obrasheniya: 01.05.2011).
 10. *Veblen T.* Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984. 367 s.
 11. *Radaev V.* Sotsiologiya potrebleniya: osnovnye podhody // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. № 1.
 12. *Markuze G.* Odnomerny chelovek. M.: REFL-book, 1994.
 13. *Petrenko M.V.* Dalneyshaya eksteriorizatsia obshchestvennogo soznaniya // Natsionalnye traditsii v torgovle, ekonomike, politike i kulture: materialy VII Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. v ramkach Vasilevskich chteni. Ch. IV. M.: Izd-vo RGTEU, 2008.
 14. *Kara-Murza S.G.* Manipulyatsiya soznaniem. M.: Algoritm, 2004.
 15. *Burstin D.Dzh.* Soobshchestva potrebleniya // Thesis. 1993. T. 1. Vyp. 3. S. 247—248.
 16. *Burde P.* Razlichenie // Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatia sovremennoy klassiki. M.: ROSSPEN, 2004.

© Дасаева Д.Р., 2011

Поступила в редакцию
в июне 2011 г.

УДК 316.77

*Г.В. Лысенко***СОЦИАЛЬНЫЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

Анализируются социальные взаимодействия в пространстве современного города, отмечается связь социальных взаимодействий с местом/территорией, выявляется типология социальных отношений.

Ключевые слова:
социальные взаимодействия,
Другой, посторонний, незнакомый.

*G. V. Lysenko***SOCIAL INTERACTIONS
IN SPACE OF MODERN TOWN**

The social interactions in the space of the modern town are analyzed. The association between the social interactions and the place/territory is registered. The typology of social relations is showed up.

Key words:
social interactions, the Other,
strange, unknown.

Об авторе:

Лысенко Галина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, ул. Гагарина, 8, 8(8442)387-587 galinalis9@mail.ru

Lysenko Galina Vasilyevna – Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Assistant professor of management department, Volgograd Academy of Public Administration

Феномену «город» уделяют внимание представители различных общественных наук, каждая из которых, используя свой понятийно-категориальный аппарат, определяет его сущностные свойства. Социологическая трактовка города была заложена М. Вебером, продуцирующим теорию бюрократии на пространство города, и Г. Зиммелем, который в своих размышлениях о чужаке и «инаковости» представил понимание города как пространства новых социальных отношений. В работах ученых чикагской школы (Р. Парк), современных авторов (З. Бауман, Ж. Бодрийяр) получили осмысление коммуникативные основания города в качестве пространства взаимодействий.

Для социологии города, урбанистики свойственен полипарадигмальный подход. Для нашего исследования наиболее приемлемым представляется конструктивистский подход, рассматривающий город как «среду жизни», в которой качество социальных взаимодействий является определяющим, конструирование и преобразование пространства города осуществляется социальными практиками. Соответственно, городское пространство рассматривается как конструируемая в процессе социальных взаимодействий акторов многомерная динамичная структура позиций, определяемых видами капиталов, объемом, взаимовлияние которых распределено неравномерно, подвержено изменениям, и диспозиций, образующих габитус, реализуемый в социальных практиках.

В этом контексте можно отметить, что пространство города является как материальными, так и дискурсивными конструктами. Город трактуется не как территория или административно-управленческая единица, а как социально конструируемое пространство, границы которого определяются не географическими или административными категориями, а чувством принадлежности, набором разделяемых норм и ценностей. Реализующиеся в пространстве действия акторов основаны на пространственной (территориальной) рефлексии, они опосредуются территорией, на которой происходят, имплицитно включая ее в акт социального взаимодействия. Природная географическая среда, являясь местом проживания локальной общности,

влияет на характер социальных взаимодействий и/или определяется ими, тем самым актуализируя идею пространственной локализации. Пространство как территория/место вплетено в социальные взаимодействия, выступает и условием, и ресурсом, и ограничением деятельности актора/индивида. Пространственная рефлексия акторов по отношению к территории как к родине, самоидентификация с ней, осознание и эмоциональное восприятие участников социального взаимодействия в данном пространстве позволяет определить регион через типологию социального взаимодействия, в котором определенной ценностью обладает территория. В этом случае территория представляется средой, фактором и идеей, определяющими взаимодействия. Действительно, осознание населением Волгоградской области своей принадлежности к территориальной общности отражается в результатах проведенных исследований (ВАГС, 2006 г., $n=572$, 2009 г., $n=600$), более 30 % опрошенных чаще всего соотносят себя с территориальной общностью локального характера.

Рассматривая взаимосвязь общности и городского пространства, следует учитывать, что процессы глобализации, современные средства связи и коммуникации определяют вневременность и внепространственность деятельности элит, при этом простые люди живут локально в своих городах и странах [1], они составляют часть городского ландшафта, связывая с городом свои жизненные цели [2, с. 40]. Данный разрыв угрожает разрушением коммуникационных каналов в обществе, общих культурных кодов. Вместе с тем целесообразно выявлять взаимосвязи и взаимозависимости глобального и локального уровней. Справедливо отмечает У. Бек: «Проблемы глобального уровня становятся частью повседневного локального опыта и «моральных жизненных миров» [3, с. 25]. По его мнению, глобализация включает в себя не только глобализацию, речь также идет и о локализации. Невозможно анализировать проблемы глобализации, не уделив внимания конкретным территориям и местам. В контексте нашей работы важно замечание исследователя, что «одним из важнейших следствий глобализации является возвращение к понятию места». Раскрывая диалектику глобального и локального, Р. Робертсон вводит термин «глокализация». Данное понятие открывает возможность перед исследователем изучать глобальное на локальном уровне, например рассматривая город не как территориальную «единицу с четкими границами, а как узел в сети преодолевающих границы процессов» [3, с. 31]. Возникающий разрыв между глобальным и локальным преодолевается взаимодействиями, придающими организации глобального мира связность, пространственную осмысленность. Постмодернизм не предполагает господства локального, но подразумевает сочетание локального и универсального. Последствия глобальной перестройки и местная локально ориентированная среда переплетаются, накладываются друг на друга; влияние глобальных процессов опосредуется локальными/региональными факторами [4].

Социальное пространство города конституируется ансамблем относительно автономных сетей взаимоотношений акторов, находящихся в сложной динамичной системе отношений, определяющих его внутреннюю структуру и внешние взаимосвязи различной протяженности и уровня.

Процесс социальных взаимодействий в городском пространстве исследуется как процесс конституирования общности, формирование которой определяется восприятием и позицией Другого. Исследование понятия «Другой»

в социальных науках имеет длительную историю. В рамках данной статьи акцентируем внимание лишь на некоторых аспектах понимания Другого в системе социальных отношений. В исследованиях ученых Другой по отношению к субъекту коммуникации может занимать различные позиции: быть вовлеченным в общность, сохранять свою инаковость и быть чужим, однако границы общности открыты, что позволяет предполагать возможность консенсуса и урегулированность конфликтов. Видение Другого определяет взаимодействия в границах дихотомии свои — чужие. Типизация взаимодействий свои — чужие происходит как по вертикали, так и по горизонтали, определяемая социокультурными, темпоральными и пространственными характеристиками.

Осмысление ценностной составляющей Другого определяет перевод его в категорию «свой», при этом ценность является основой ориентации актора на формирование долгосрочных отношений. Другой, трактуемый как «свой», находится в пределах границ взаимодействия и близости социальной дистанции.

Чужой, в трактовке Г. Зиммеля, определяется как тот, который «сегодня приходит и завтра остается» [5]. Функциональные характеристики Чужого отмечает Р. Штихве, выделяя такие аспекты, как проявленность в Чужом отклоненных или нелегитимных возможностей. Конструктивистское начало в Другом как в Чужом заключается в том, что «общество в фигуре чужого создает для себя возмущения, которые необходимы для его дальнейшей эволюции и на самом деле не являются неожиданными» [6]. Вместе с тем позиция «чужого» недостаточно четко определена, поскольку развертываемая коммуникация может перевести его в статус «своего», «постороннего» или «врага».

Другой представлен в работах сторонников символического интеракционизма, основатель которого Дж. Мид отмечал, что тождество значений актов взаимодействия позволяет каждому из его участников принимать на себя роль Другого, в том числе и «обобщенного другого», накопленный опыт предстает редуцированным таким образом, что выступает по отношению к ним в качестве общезначимого и общедоступного. Продолжая его идею, Г. Блумер подчеркивает значимость процесса оценивания позиций и последующего действия с учетом разных точек зрения и манифестации Другому о его предпочтительном действии. О взаимных, обоюдонаправленных актах изложения и интерпретации смыслов, из которых возникает, возводится социальный мир индивида, соотносимый с миром Других, писал А. Шютц [7]. В инструменталистском, прагматическом аспекте трактует Другого И. Гоффман, раскрывая ориентации вступающих во взаимодействие индивидов, проекты поведения которых определяются идеалами или прагматическими целями и задачами, причем практическая сторона взаимодействия является определяющей. Уязвимость данной трактовки заключается в том, И. Гоффман не решает противоречие: действие индивида определяется необходимостью решения практических задач, однако сущность личности не ограничивается практицизмом.

Исходя из нормативных оснований при анализе общества, Ю. Хабермас полагал, что коммуникативный разум, обосновав этику «коммуникативного дискурса», преодолет колонизацию «жизненного мира» и социальный кризис [8]. Моральные основания связности коммуницирующих акторов обеспечивают координацию их действий [9], обеспечивая симметричность взаимодействующих и взаимное признание. Рациональность в этике была выражена

Дж. Ролзом. Ю. Хабермас, полемизируя с Дж. Ролзом по поводу незначительных, по его мнению, разногласий, ставит ему в заслугу возрождение кантовской постановки вопроса о морали и разработку теории справедливости, устанавливающей ориентацию действия на «справедливость» вместо утилитаристской «пользы», позволяющей поставить в центр теории правила «честной игры», определяющие действия субъекта [10]. Таким образом, Ю. Хабермас акцентирует внимание на персонифицированном Другом, присутствующем в коммуникативном акте, функциональность которого заключается в возможности реализовать имманентно присутствующую в коммуникации установку на консенсус.

Постмодернизм меняет суть Другого, поскольку в массовом обществе тиражирования идей и производства потребителей присутствует не Другой, а подобие однородного. Развивая идею Другого, Ж. Бодрийяр [11] постулирует, что коммуникация не является консенсусной средой, а представляет собой пространство коммуникационного насилия, в том числе порождаемого консенсусом и вынужденным общежитием, определяемым как запрет на инаковость. Теоретик постмодернизма, рассматривая постсовременность как процесс индивидуализации общества, отмечает, что проблема Другого получила свое «окончательное решение», поскольку Другой уничтожен посредством универсальной коммуникации, отвергающей возможность существования инаковости. С. Жижек отмечает, что Другой в мультикультуралистском обществе существует как объект, лишенный своей субстанции «другости», признаваем таковым лишь в определенных границах норм и ценностей социальных групп, конструирующих идеологические рамки глобализирующегося мира [12]. Однако непринятие Другого влечет исчезновение и личностной идентичности.

Позиции Ю. Хабермаса и Ж. Бодрийяра в трактовке Другого выявляют континуум взглядов, позволяющих констатировать сложность темы и сложность коммуникационных процессов современности или, в трактовке Ж. Бодрийяра, постсовременности. В целом непризнание инаковости Другого не означает отказ от Другого, а лишь определяет его значение в системе взаимоотношений акторов в социальном пространстве, поскольку без Другого не может состояться как коммуникация, так и социальность, конструируемая коммуникациями. В контексте данных позиций обозначилась проблема управления коммуникациями, ориентированными на признание Другого и его инаковости или его как унифицированного, одномерного субъекта.

В коммуникации происходит уточнение позиции Другого в континууме свой — посторонний — чужой. В средневековом городе чужой включался в воспроизводимые социальные взаимодействия, устойчивые отношения оставались неизменными на протяжении многих лет. Рост городов в эпоху модерна нарушил процессы самовоспроизводства социальных связей, став местом «массовой индустрии незнакомцев» [2, с. 26]. По мнению З. Баумана, города стали местом, где встречаются незнакомцы, причем проживая рядом, взаимодействуя друг с другом, они остаются незнакомцами. Современные авторы в пространстве города отмечают несколько факторов, влияющих на характер социальных взаимодействий. Посторонний/незнакомец является источником тревоги [13]. Взаимодействия с посторонними могут носить толерантный характер.

Понятие «толерантность» (лат. *tolerantia*) имеет сложную этимологию, его можно интерпретировать как «терпение, терпимость». Глагол *tolerare* является многозначным и трактуется как «выносить, переносить, сносить». В русском языке толерантность можно рассматривать в двух аспектах: отношение, соотносимое со словом «терпимость», деятельность, соотносимая со словом «ненасилие» [14]. Исследователи отмечают, что в русской языковой картине мира «терпимость» имеет несколько аспектов. Терпимость выражает отношение к тем аспектам жизни, которые нас не устраивают, но являются составной частью общей установки на «примирение с действительностью». Терпимость определяет отношение к чужим мнениям и инакомыслию, склонность к плюрализму, но при этом широта взглядов может свидетельствовать о нравственной неустойчивости и беспринципности. Терпимость может трактоваться как бездеятельность и безучастное отношение к различным явлениям и субъектам. Безучастие выражается в атомизации общества и ориентации горожан в значительной степени только на свои силы. Устойчиво воспроизводится мнение населения Волгограда о том, что «сейчас все люди заняты своими проблемами, каждый сам по себе» (полностью согласен — 28,4 %, скорее согласен — 36,9 % респондентов), что «человек в современном мире одинок, ему не от кого ждать помощи» (44,9 %). Дефицит социальных связей порождает социальное одиночество и социальную пассивность, способствуя снижению социальной ответственности населения за происходящее и снижению показателей участия в жизни местного сообщества.

Толерантность не снимает проблемы организации взаимодействия с посторонними. Как отмечает З. Бауман, страхи перед неизвестностью накапливаются и разряжаются на определенной категории «чужаков», которые начинают служить олицетворением всего «незнакомого» [2, с. 43]. Одним из вариантов решения проблемы организации взаимодействия в социальном пространстве города являются кондоминиумы, обеспечивающие социальные связи горожан, занимающих относительно равные статусные позиции в социальном пространстве, достаточно близкую систему ценностей, потребностей. В пространстве кондоминиума создается атмосфера безопасности и защищенности, взаимодействие носит скорее солидарный, чем толерантный характер. Вместе с тем кондоминиумы с их огражденной территорией делят пространство города на «внутреннее» и «внешнее». Некоторые российские города, например Москва, соответствуют описанию Терезой Калдеири бразильского города Сан-Пауло как города стен, в котором физические преграды возведены вокруг зданий, жилых домов, парков, площадей, офисных зданий и школ [2, с. 49]. В Волгограде в последние годы все заметней становится эта тенденция. Тем самым проблема организации социальных взаимодействий в едином городском пространстве не решается, жителям закрытых пространств сложнее моделировать взаимодействия с той частью горожан, которые проживают вне огороженной территории. Кондоминиумы расчленяют городское пространство на сегменты, в одних социальные взаимодействия носят солидарный характер, с акторами других сегментов выстраиваются толерантные или конфликтные отношения. Таким образом, городское пространство не является открытым и равнодоступным для социальных взаимодействий.

Решение данной проблемы, по мнению З. Баумана, состоит в распространении открытых и гостеприимных общественных пространств, которые регулярно посещают все горожане и приезжие, сознательно/охотно совместно используют [2, с. 51—52]. Действительно, совместный опыт позволит выработать единые нормы организации социальных практик.

Таким образом, социальные взаимодействия в городском пространстве могут быть ориентированы на солидарные, толерантные или конфликтные отношения. Данные типы отношений обладают свойством воспроизводства, обеспечиваемого градостроительной стратегией. Вместе с тем в современном информационном обществе использование гуманитарных технологий, символического и медийного капиталов может обеспечить стратегию восприятия Другого как «своего», лишённого свойств неопределённости, не вызывающего страха и ощущения неуверенности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 386, 389.
2. Бауман З. Город страхов, город надежд // Logos. 2008. № 3. С. 24—53.
3. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 24—53.
4. Бусыгина И.М. Судьба географических знаний в политической науке и образовании [Электронный ресурс] // Политические исследования. 2003. № 1. Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/1/13.htm> (дата обращения: 30.05.2011).
5. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 116.
6. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, вып. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/> (дата обращения: 30.05.2011).
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 32.
8. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43—63.
9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 52.
10. Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 1995. № 2. Режим доступа: www.socjournal.ru/article/149 (дата обращения: 30.05.2011).
11. Бодрийяр Ж. Город и ненависть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/> (дата обращения: 30.05.2011).
12. Жижек С. Право на истину // 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем. 2003. С. 27.
13. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Logos. 2008. № 3. С. 96.
14. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М.: МГУ, 2001. С. 8—9; Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМАПРЕСС, 2005. С. 103.
1. Castels M. Informationsnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura. M.: GU VSHE, 2000. S. 386, 389.
2. Bauman Z. Gorod strahov, gorod nadezhd // Logos. 2008. № 3. S. 24—53.
3. Bek U. Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vragi // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. 2003. T. VI. № 1 (21). S. 24—53.
4. Busygina I. M. Sudba geograficheskikh znani v politicheskoy nauke i obrazhovanii [Elektronny resurs] // Politicheskie issledovaniya. 2003. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/1/13.htm> (data obrasheniya: 30.05.2011).
5. Zimmel G. Chelovek kak vrag // Sotsiologicheski zhurnal. 1994. № 2. S. 116.
6. Shihve R. Ambivalentnost, indifferentnost i sotsiologiya chuzhogo [Elektronny resurs] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. 1998. T. I, vyp. 1 [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.soc.pu.ru/> (data obrasheniya: 30.05.2011).
7. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGG «Gnozis», 2003. S. 32.
8. Habermas J. Teoriya kommunikativnogo deystviya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 1993. № 4. S. 43—63.
9. Habermas Yu. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. SPb.: Nauka, 2001. S. 52.
10. Shveri R. Teoriya ratsionalnogo vybora: analiticheski obzor [Elektronny resurs] // Sotsiologicheski zhurnal. 1995. № 2. Rezhim dostupa: www.socjournal.ru/article/149. (data obrasheniya: 30.05.2011).
11. Baudrillard J. Gorod i nenavist [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruthenia.ru/> (data obrasheniya: 30.05.2011).
12. Zhizhek S. Pravo na istinu // 13 opytov o Lenine. M.: Ad Marginem, 2003. S. 27.
13. Sennett R. Capitalism v bolshom gorode: globalizatsiya, gibkost i bezrazlichie // Logos. 2008. № 3. S. 96.
14. Asmolov A. G., Soldatov G. U., Shaygerova L. A. O smyslah ponyatiya «tolerantnost» // Vek tolerantnosti: Nauchno-publitsisticheski vestnik. M.: MGU, 2001. S. 8—9; Mikhailova O.A. Tolerantnost i terpmost: vzglyad lingvista // Filosofskie i lingvokulturologicheskie problemy tolerantnosti. M.: OLMA PRESS, 2005. S. 103.

© Лысенко Г.В., 2011

Поступила в редакцию
в июне 2011 г.

УДК 323.1(4-15)

А.Н. Буров, Е.С. Сарматин

**МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ
НАПРЯЖЕННОСТЬ В ГОРОДСКИХ
ПОСЕЛЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
ИЗЖИЛА ЛИ СЕБЯ ПОЛИТИКА
МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМА?**

Раскрываются проблемы формирования и развития политики мультикультуризма в городских поселениях в современных условиях. Показываются методы решения вопросов совместного проживания европейцев и мигрантов. Акцентируется внимание на необходимости использования опыта Европейского союза в России.

Ключевые слова:

мультикультуризм, межэтническая напряженность, миграция, интеграция, иммиграционная политика, гражданские свободы, социокультурная ассимиляция, Европейский союз.

A.N. Burov, Ye.S. Sarmatin

**ETHNIC TENSION IN URBAN
SETTLEMENTS OF WEST EUROPE:
IS MULTICULTURALISM OUTDATED
CONCEPT?**

The problems of multiculturalism policy formation and development in urban settlements in the modern context are opened. The solution methods of the Europeans and migrants cohabitation are shown. The attention is focused on the use of the European Union experience in Russia.

Key words:

multiculturalism, ethnic tension, migration, integration, immigration policy, civil liberties, social and cultural assimilation, European Union.

В последние годы в странах формирующегося Европейского союза политическая ситуация ознаменована таким явлением, как рост межэтнической напряженности. Острота проблемы вынудила премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона признать провал проводимой в стране многолетней политики мультикультуризма [1, с. 2]. Практика показывает, что подобные проблемы имеют место не только в Великобритании, но и в других европейских государствах. Так, аналогичное признание можно было услышать из уст канцлера Германии Ангелы Меркель [2, с. 25]. Особенно это характерно для городских поселений, в первую очередь мегаполисов с их пестрым этническим составом.

Острота ситуации тем более вызывает необходимость проследить формирование вышеобозначенной политики мультикультуризма, проанализировать ее нынешнее состояние и перспективы на будущее. Приведем наиболее типичные примеры. Так, с XVII в. и до недавних дней Голландия считалась одной из самых толерантных стран в Европе. В ней находили убежище евреи Испании, спасавшиеся от инквизиции, французские гугеноты, преследуемые католиками, и шотландские католики, гонимые англиканской церковью. Страна, одной из первых разделившая идеи Великой французской революции, одобрявшая Декларацию прав человека и гражданина, признавшая отделение церкви от государства, в течение столетий была поистине европейской моделью многоконфессионального и многокультурного образования. Кальвинисты, лютеране, иудеи, католики, менониты веками находили здесь прибежище, и между представителями рас и этносов не делалось различия.

Эта толерантность в известной мере распространялась и на колониальные владения Голландии: патерналистская модель кальвинистской ветви протестантизма, получившая широкое признание в метрополии, требовала от нее «защищать культурно неразвитые, инфантильные этносы» и не мешать им «взрослеть» в рамках собственной культовой традиции. Даже такие проявления «культурного инфантилизма», как обычай сожжения жены вместе с умершим мужем, бытовавший на о. Бали, или мусульманская нетерпимость к иноверцам, вылившаяся в

многочисленные восстания на Суматре, осуждались лишь официальной церковью, а не государством — метрополией.

Голландия предложила собственную, в свое время уникальную для Европы модель национально-государственного строительства и натурализации иммигрантов. Принципы голландской натурализации начали формироваться в 60-е гг. XX в., когда после распада колониальной системы массовые потоки коренного населения бывших колоний устремились в метрополию. Достаточно сказать, что в нее после получения независимости в 1975 г. иммигрировала половина населения бывшей нидерландской Гвианы. В этнокультурном отношении это были смешанные потоки: индусы, яванцы, африканцы. Позже к ним прибавилась турецкая и марокканская иммиграция, представители которой составляют ныне более 5 % населения Голландии.

Решение проблемы было найдено в совмещении двух начал натурализационной политики: принципа «гражданство как субъект права» и не выраженного прямо, но превалирующего признания правосостоятельности иноэтничности («неголландскости») как условия гражданства. Благодаря такому подходу страна одной из первых в Европе признала право гастарбайтеров, уже получивших гражданство, на воссоединение семей. В результате этого за три последних десятилетия число граждан Голландии — этнических мусульман возросло более чем в 10 раз [3, с. 12].

Тем не менее вышеобозначенная схема оптимизации межэтнических отношений в последние годы начала давать сбои. Так, на очередных парламентских выборах 2006 г. проблематика такого рода оказалась в центре внимания. Вот характерное признание сотрудника исламского культурного центра «Меджлис» в Амстердаме: «Главная тема выборов — иммигранты и ислам. Нидерланды раньше были очень толеранты к мигрантам и спокойно относились к тому, какой религии придерживаются аллохтоны. Однако сейчас многие голландцы хотят, чтобы все мигранты стали такими же, как они, полностью растворились. Но для правоверных мусульман это невозможно, потому что Коран говорит о ценностях, далеких от консюмеризма и отсутствия веры» [4, с. 84].

Об авторах:

Буров Алексей Никитович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Волгоградского филиала Российского государственного торгово-экономического университета (8442) 33-17-54, rector@vrsteu.ru

Burov Alexei Nikitovich — Doctor of Historical Science, Professor, Honoured Science Worker of RF, director of Volgograd Branch of the Russian State Trade and Economic University

Сарматин Евгений Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и менеджмента, Российский государственный торгово-экономический университет (Волгоградский филиал), (8442) 33-17-54, rector@vrsteu.ru

Sarmatin Yevgenii Sergeyevich — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant professor of social science and management department, Volgograd Branch of the Russian State Trade and Economic University

Итак, можно констатировать, что за последние годы традиционная голландская толерантность основательно пошатнулась. С чем же это связано? Голландцы подвержены такому феномену, как клаустрофобия. Плотность населения в Нидерландах самая высокая в Европе — 395 человек на квадратный километр. Почти все население живет на трети территории страны, занятой плотно населенными городами. Поэтому у многих есть ностальгия по идеализированному прошлому, когда было меньше людей и больше места, когда в стране не было пробок на дорогах. «Антииммигрантские настроения отчасти вызваны тем фактом, что очень много людей живет на очень небольшом пространстве, на которое давление идет с двух сторон. С одной стороны, повышающийся уровень моря грозит затопить некоторые регионы, с другой — многие голландцы рассматривают мигрантов как основную причину такой переполненности», — отмечает преподаватель политологии Лейденского университета Виллем Бринк [4, с. 85].

Как мы уже отмечали выше, в 60-х гг. XX в. началась масштабная миграция гастарбайтеров из Марокко и Турции — растущей экономике не хватало рабочих рук. Мигрантам предоставлялись рабочие места и дешевое жилье в похожих на гетто городских районах. Никого при этом не волновало, говорят ли рабочие по-нидерландски и как они интегрируются. Сейчас около 10 % населения — аллохтоны: мигранты и их потомки. Это гораздо больше, чем в среднем по Европе. Причем у половины аллохтонов есть гражданство и все гражданские права, но многие из них не ощущают себя голландцами. Вот типичная позиция, представленная инженером — выходцем из Марокко: «Прежде всего я мусульманин, затем марокканец — и только потом гражданин Нидерландов. Я родился в этой стране, но моя вера объединяет меня с миллиардом мусульман по всему миру» [4, с. 85].

Многие голландцы рассматривают такую достаточно типичную позицию как пример недостаточной интеграции, и они, конечно, правы. Но и сам политический класс Голландии во многом несет ответственность за такую ситуацию. Во-первых, сам процесс интеграции иммигрантов в голландское общество носил по сути стихийный характер, продуманной, целенаправленной политики интеграции при этом не велось. Во-вторых, сама принимающая сторона не всегда относилась с пониманием к ценностным ориентациям аллохтонов. Характерный пример: накануне выборов 2006 г. правительство приняло решение о запрете на ношение чадры. Хотя в Голландии, по оценке правительства, чадру носят менее ста женщин-мусульманок, там посчитали, что она является символом подчиненной позиции женщин в исламе. Многие исламские организации расценили это как вмешательство государства в гражданские свободы и дискриминацию по признаку религии. Вывод из вышесказанного однозначен: в такой типичной стране Европейского союза, как Голландия, не сложилась политическая (гражданская) нация на полиэтнической основе, скрепленная общими ценностными ориентациями. Отсутствие такой идентичности и стимулирует межэтническую напряженность, грозящую вылиться в полномасштабные конфликты.

Об аналогичной перспективе говорит и опыт других, не менее благополучных государств европейского сообщества. Вот мнение издателя весьма уважаемой немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)» Вернера

Д'Инка: «Иммиграционная политика Германии находится в глубоком кризисе, сегодня это уже очевидно для всех. Еще несколько лет назад в стране царил убежденность, что единственная работающая концепция интеграции меньшинств — это концепция мультикультурного общества. Чем больше культур, чем больше образов жизни — тем лучше; гомосексуалисты и гастарбайтеры, лесбиянки и религиозные меньшинства — все они обогащают нашу культуру; мы должны радоваться, что все эти люди приехали к нам и принесли свой образ жизни — так думало большинство немцев. Сегодня число сторонников этой концепции стремительно убывает. Немцы устали нести бремя ответственности за преступления Второй мировой войны. Немцы устали стыдиться своей национальности. Немцы устали определять свою национальность от противоположного, то есть постоянно помнить, чем они не должны быть» [5, с. 64].

Но дело не только в психологической установке немцев на забвение исторической вины. Все гораздо сложнее. Как отмечает тот же аналитик, «главная проблема, с которой мы имели дело, — это параллельное общество, которое создают иммигранты. Германия перенасыщена иммигрантами, она физически не может ассимилировать их. Мы тратим сотни миллионов евро на интеграционные и образовательные программы для иммигрантов, но как мы можем интегрировать тех, кто сам этого не хочет? Вся немецкая иммиграционная политика строилась на убежденности, что иностранцы, поселившиеся в Германии, будут перенимать наши правила игры, уважать наши демократические традиции, нашу культуру. Все оказалось совсем по-другому. Иммигранты образуют параллельные сообщества, в которых не действуют немецкие законы, которые неподконтрольны полиции и совершенно непрозрачны для постороннего наблюдателя» [5, с. 64].

Ежегодно немецкое гражданство получают более 120 тысяч иностранцев. При этом каждый желающий стать гражданином ФРГ обязан не только представить обширный набор документов, но и подписать так называемую декларацию лояльности, предписывающую уважать основы конституции Германии, придерживаться демократических ценностей и ни при каких обстоятельствах не выступать за свержение государственного строя. А чтобы удостовериться, что новый гражданин ФРГ действительно придерживается демократических взглядов, в течение нескольких месяцев до получения им гражданства сотрудники службы по делам гражданства вынуждены регулярно встречаться с претендентами. Практика показывает, что эта трудоемкая работа должного эффекта не дает. Особенно это касается образующих «параллельные общества» мусульман, политическая культура которых на исторической родине весьма далека от канонов демократии. Отсюда та настороженность, которая наблюдается по отношению к ним у многих немцев. Об этом говорят и сухие цифры статистики. Согласно социологическому опросу, проведенному Университетом Билефельда, 66 % немцев считают, что страна страдает от засилья иностранцев. Почти 40 % граждан ФРГ уверены, что для спасения экономики правительство должно начать выдворять избыточную рабочую силу, а треть немцев признались, что чувствуют себя иностранцами в собственной стране. В целом, по мнению социологов, уровень ксенофобии в немецком обществе вырос за последние пять лет на 15—20 % [5, с. 63].

На наш взгляд, сложившаяся ситуация во многом проистекает из той политики мультикультуризма, последствия которой оказались недостаточно просчитанными. Старший научный сотрудник американского центра «New Forum on Religion and Public Life» Дэвид Маски пишет по этому поводу следующее: «В отличие от Франции, где торжествуют идеи секулярной республики и проводится политика культурно-религиозной ассимиляции, в большинстве западноевропейских стран на протяжении десятилетий мусульмане пользовались полной свободой. Правительства этих стран — Британии, Германии, Испании, Италии — считали мусульманские меньшинства временным явлением, которое рано или поздно исчезнет само по себе, поэтому оно может быть проигнорировано» [5, с. 56].

Инфантилизм такой политической позиции очевиден. Сейчас мы воочию убеждаемся в том, что мусульмане Европейского союза «временным явлением» себя не считают и тем более не собираются «исчезать». В пределах Европейского союза сейчас живут порядка 15—17 млн мусульман, многие из которых — второе или третье поколение иммигрантов. И если благодаря национальным границам и раздробленности внутри самих мусульманских общин они в течение десятилетий оказывались в тени, то теракты в Мадриде в марте 2003 г. и в Лондоне в июле 2005 г. привели к тому, что мусульмане Европы оказались в центре внимания.

В Германии террористических актов, к счастью для немцев, не случилось, но немецкое общество как бы замерло в их ожидании. Это и понятно: объективные условия для проведения актов исламского терроризма в общем такие же, как в Англии и Испании. Проблема, стало быть, в том, чтобы предложить иную политику по отношению к иммигрантам, способную заменить не оправдавшую себя политику мультикультуризма.

Не менее остро проблема интеграции иммигрантов стоит в Великобритании, тесно переплетаясь с проблемами демографического и социального характера. Так, по прогнозу Бюро национальной статистики, население Британии, составлявшее в 2007 г. 60,6 млн чел., к 2016 г. вырастет до 65 млн. Из 4,4 млн чел. прироста 2,1 млн придется на мигрантов. При этом ожидается их приток на уровне 190 тыс. чел. в год. Кроме того, в стране постепенно увеличивается и рождаемость, но опять-таки во многом за счет мигрантов. Так, в больницах Центрального Лондона в 2006 г. 59 % рожениц сами появились на свет за пределами Соединенного Королевства. По оценкам демографов, прямо или косвенно на миграцию, таким образом, придется 69 % прироста населения страны [6, с. 82].

Многие в государстве считают, что в сфере демографической и миграционной политики выбран неверный путь. По мнению ряда экспертов, стране нужен постепенный и разумный рост населения, а не такое резкое увеличение, которое приводит к повышению нагрузки на общественные услуги и создает проблемы с обеспечением жильем и школами.

Для примера укажем на ситуацию, сложившуюся в городе Слау, находящемся в получасе езды от Лондона. Сегодня здесь расположены британские штаб-квартиры компаний Mars, Amazon.com и Nintendo. Согласно последней переписи, в 2001 г. в Слау было 119 тыс. жителей, а в 2007 г., по оценкам экспертов, — 122 тыс. чел. «Эта цифра занижена как минимум

на 15—20 тыс. человек, потому что не учитывает недавних мигрантов, прежде всего мигрантов из новых стран Европейского союза», — отмечает член городского совета Слау Джон Эдвардс [7, с. 83].

Бюджеты местных органов власти в Британии примерно на четверть финансируются местным муниципальным налогом (взимается с жителей, кроме студентов и пенсионеров), остальное поступает из центрального бюджета в зависимости от численности населения муниципальной единицы. По оценкам городского совета Слау, город недополучает 15 млн фунтов стерлингов ежегодно по той причине, что его официальное население оказывается меньше реального. При этом из городского бюджета на школы, полицию, жилье и т.д. приходится тратиться на всех жителей, включая незарегистрированных. Денег на всех не хватает, поэтому многие недовольны. Причем новым жителям часто достается больше, чем старым, потому что им нужны переводчики, дополнительные уроки английского языка и тому подобное. Недовольство создает напряжение, которое вполне может перерасти в конфликт.

Таких городов, как Слау, в Британии десятки. Местные власти по всей стране сталкиваются с этой проблемой, однако, как полагают эксперты, правительство очень медленно реагирует на влияние экономической миграции на конкретные муниципалитеты.

В этой связи вносится предложение создать фонд в 250 млн фунтов стерлингов, из которого финансировались бы дефициты местных бюджетов там, где особенно много мигрантов. Такие средства особенно пригодились бы Лондону, в котором оседает около 40 % всех мигрантов. В 2006 г. на рожденных за пределами Британии пришлось 30 % населения столицы, всего за 20 лет до этого таковых было 17 %. В том же 2006 г. 29 % рабочих мест в Лондоне были заняты уроженцами других стран. По оценкам лондонского округа Вестминстер, его официальное население не учитывает около 24 тыс. мигрантов [6, с. 83]. Создание такого фонда позволит сократить дефицит средств, но всех проблем, увы, не решит.

Ну а как обстоит дело с интеграцией мигрантов в британское общество? Наибольшие проблемы создают выходцы из мусульманских стран. Связано это, в первую очередь, с социальной маргинализацией мусульманской молодежи. Это и социальная неустроенность, и вопрос культурной идентичности, высокая безработица в депрессивных городах и на окраинах, где живут мусульмане. Кроме того, важным фактором является ощущение несправедливости политики Великобритании и других стран Запада по отношению к исламским странам. Оппозиция военным операциям западных стран в Афганистане и Ираке особенно велика среди европейских (в том числе и британских) мусульман. В результате фундаменталистская идеология (а иногда и насилие) выглядит привлекательной для бедной городской мусульманской молодежи, которая оказалась «между поколениями». Она уже утратила культуру своих родителей, но не смогла себя найти в новой культуре. Как следствие, молодые люди пытаются найти религиозный смысл в процессе глобализации, мечтая о всемирном халифате.

И вот здесь свою отрицательную роль сыграла проводившаяся политика мультикультуризма. Когда мусульман стало много, они перестали интегрироваться и ассимилироваться. Политкорректность по-британски привела к тому, что мусульмане из различных стран не только чувствовали себя как дома, но

и попробовали диктовать свои правила тому обществу, в которое они переселились. Британское уважение к свободе самовыражения и панический страх перед любыми проявлениями насилия при разрешении межэтнических и межрелигиозных конфликтов привели к тому, что над страной и в самом деле нависла угроза исламизации. Многочисленные мусульманские общины стали существовать как государства в государстве. У них стали возникать собственные общеобразовательные и религиозные школы, где преподавание велось на родном языке и которые были совершенно не подотчетны британскому правительству, но зато имели тесные связи с религиозными лидерами тех стран, откуда прибыли переселенцы. Имамы в мечетях были абсолютно неподконтрольны в своих проповедях, и некоторые из них призывали прихожан присоединиться к джихаду против Запада.

Эти призывы не могли не быть услышаны, что, собственно, и случилось в июле 2005 г. Здесь нужно отметить, что после взрывов в Лондоне опомнились и умеренные мусульмане. В Британии спустя всего четыре месяца после лондонских терактов был создан Национальный форум против экстремизма и исламофобии. В него вошли умеренные имамы, большинство из них родились и выросли в Британии. Инициативу умеренных мусульман поддержали власти — британское министерство внутренних дел выделило форуму 8 млн долларов. Эти средства пошли на организацию поездок известных британских имамов по мечетям страны, где они выступали с проповедями толерантности и важности соблюдения прав человека и законов страны. Разработаны также рекомендации по добросовестному ведению проповедей в мечетях. Наконец, имамов призвали вести проповеди только по-английски [7, с. 24—25]. Но наибольший резонанс среди английской общественности вызвали инициативы духовного главы англиканской церкви Роуэна Уильямса в феврале 2008 г. Как писала британская пресса, он заявил, ни много ни мало, о неизбежности введения в стране элементов шариата [8, с. 82]. Но, как отмечает его коллега епископ Саутуоркский Том Батлер, Роуэн Уильямс вовсе не предлагал вводить в Британии параллельное законодательство, рубить руки пойманым на воровстве или побивать камнями взятых в прелюбодеянии. «Архиепископ говорил, что поскольку в Британии исламские советы возникают стихийно, то не лучше ли было узаконить их существование, чтобы их деятельность не противоречила британским законам», — объяснил Батлер. То есть Уильямс не призывал способствовать развитию ислама в Англии, напротив, он предлагал «одомашнить» британский ислам и лишить его почвы для радикализации [8, с. 82].

В лекции, с которой архиепископ выступил в лондонском Дворце правосудия, он обратился к специалистам в области права с предложением обсудить, каким образом в современном британском обществе, в котором живут представители разных нехристианских конфессий и количество которых неуклонно растет, можно облегчить их интеграцию в культуру и юридическое пространство Великобритании. Он сказал, что необходимо устранить положение, при котором активные приверженцы иных вероисповеданий, и в частности ислама, систематически оказываются перед жестким выбором — сохранять верность своим обычаям или лояльность государству. В частности,

выбор может возникнуть по таким вопросам, как одежда, семейное право или смена вероисповедания.

Как видно, предложения Уильямса нацелены как раз на то, чтобы лишить исламских экстремистов их главного аргумента — формальной подчиненности мусульманских обычаев западной правовой системе. Кроме того, по мысли архиепископа, появление чего-то вроде исламских «арбитражных судов» позволило бы не только снять напряженность в мусульманской диаспоре, но и лучше контролировать процессы, которые там происходят. Речь идет, стало быть, о существенной корректировке политики мультикультуризма, придании ей нового качества. Даст ли это положительный эффект — покажет будущее.

Выше мы уже ссылались на мнение одного из аналитиков, который обозначил французскую модель социально-культурной ассимиляции мигрантов как принципиально отличную от англо-немецкой модели мультикультуризма. Но и во Франции не все так гладко. Так, широкий международный резонанс вызвал иррациональный бунт мусульманской молодежи осенью 2005 г. в сотнях кварталах городов, разбросанных по всей Франции. Анализ этих событий как раз и показывает специфику вышеобозначенной французской модели. В бунте мусульманской молодежи не было ничего специфически арабского или исламского. Не наблюдалось ничего такого, что бы говорило о проявлениях арабского национализма. Не было и фундаменталистских лозунгов религиозного характера. Их требования не касались ни права на ношение хиджаба в школах, ни деятельности мечетей, ни защиты традиционных ценностей. Они протестовали только против расизма, основанного на физическом облике, а также против материального неблагополучия (впрочем, весьма относительного) и недостаточных возможностей обретения более высокого социального статуса [9, с. 17—19].

В данном случае проблема для французского общества заключается в следующем: сумеет ли оно решить проблему маргинализации мусульманской молодежи с перспективой обретения ими достойных условий жизни или же этот пока еще стихийный протест примет политизированную форму, предположительно в духе исламского экстремизма. Таким образом, французская модель интеграции иммигрантов сама по себе еще не является панацеей, однако отсутствие религиозно-этнической составляющей в ходе волнений говорит в ее пользу, в отличие от обозначенной нами политики мультикультуризма.

В России тоже ситуация не простая. Она настолько специфична, что не подпадает под заданные схемы. Однако здесь приходится сталкиваться с проблемами, хорошо знакомыми по европейскому опыту. Свидетельством этого является предложение мэра Москвы Сергея Собянина официально зарегистрировать всех мигрантов, работающих в Москве, при этом он подчеркнул, что не видит другого пути решения миграционной проблемы. «Они не платят ни страховку, ни налоги. Надо зарегистрировать их — другого пути я не вижу», — отметил градоначальник. Далее он заявил, что в Москве очень высокий уровень мигрантов из стран СНГ. В мегаполисе, по его словам, есть районы, где до 25 % жителей не говорят по-русски. А в некоторых школах для иностранных школьников введены дополнительные уроки русского языка как иностранного [10, с. 2].

В Москве, как и в крупных городах Западной Европы, уже возникают целые районы компактного проживания мигрантов с собственной религией, культурой и ценностными ориентациями, причем этот процесс, по сути, протекает стихийно. Чем не политика мультикультуризма в странах Запада, зашедшая, как мы отметили выше, в тупик? Более того, по прогнозам председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Михаила Маргелова, к 2050 г. третья часть населения России будет состоять из мигрантов, что при отсутствии адекватной политики может привести к тупиковым ситуациям. России очень важно в такого рода тупики не попадать, для чего изучение западного опыта политики мультикультуризма представляется чрезвычайно актуальным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Решим нацвопрос по-советски? // Аргументы и факты. 2011. № 6 (1579).
 2. Ахмедова М., Бурмистров П., Вишневецкая Ю. Смерть мульти-культ. Почему европейская модель оказалась на грани краха // Русский репортер. 2010. № 42 (170).
 3. Борисюк В. Политические идеи и идеологии постиндустриальной цивилизации // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 7.
 4. Кошкарлов А. Нескучные голландские выборы // Эксперт. 2006. № 45 (539).
 5. Сумленный С. Закрытое общество // Эксперт. 2006. № 7 (501).
 6. Кошкарлов А. Маленький перенаселенный остров // Эксперт. 2007. № 42 (583).
 7. Власова О., Кошкарлов А. Восход Европы // Эксперт. 2006. № 6 (500).
 8. Кудашкина Е. Архиепископ против терроризма // Эксперт. 2008. № 7(596).
 9. Сарматин Е.С. Бунт мусульманской молодежи во Франции и его уроки для России // Materiały II Międzynarodowy naukowo-praktycznej konferencji Wysgtalcenie i nauka bezgrnie — 2005. T. 28. Przemysl : Nauka i studia, 2005.
 10. Гавычева А. В Москве русский язык становится иностранным // Известия. 2011. № 100 (28361).
-
1. Reshim natsvopros po-sovetski? // Argumenty i facty. 2011. № 6 (1579).
 2. Akhmedov M., Burmistrov P., Vishnevetskaya Yu. Smert multi-kulti. Pochemu evropeiskaya model okazalas na grani krakha // Russki reporter. 2010. № 42 (170).
 3. Borisyuk V. Politicheskie idei i ideologii postindustrialnoy tsivilizatsi // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2004. № 7.
 4. Koshkarov A. Neskuchnye gollandskie vybory // Ekspert. 2006. № 45 (539).
 5. Sumlennyi S. Zakrytoe obshchestvo // Ekspert. 2006. № 7 (501).
 6. Koksharov A. Malenki perenaselenny ostrov // Ekspert. 2007. № 42 (583).
 7. Vlasova O., Koksharov A. Voskhod Evropy // Ekspert. 2006. № 6 (500).
 8. Kudashkina E. Arkhiepiskop protiv terrorizma // Ekspert. 2008. № 7 (596).
 9. Sarmatin E.S. Bunt musulmanskoj molodyozhi vo Frantsii i ego uroki dlya Rossii // Materiały II Międzynarodowy naukowe-praktycznej konferencji Wysgtalcenie i nauka bezgrnie — 2005. T. 28. Przemysl : Nauka i studia, 2005.
 10. Gavycheva A. V Moskve russki yazyk stanovitsya inostrannym // Izvestia. 2011. № 100 (28361).

© Буров А.Н., Сарматин Е.С., 2011

Поступила в редакцию
в июне 2011 г.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (скачать бланк <http://vgasu.ru/attachments/ld-blank.pdf> 2) анкеты автора (скачать бланк <http://vgasu.ru/attachments/pdsog.pdf>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт основного текста — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИВОДИТСЯ ДВАЖДЫ. ВО ВТОРОМ ВАРИАНТЕ ВСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ТРАНСЛИТЕРИРУЮТСЯ (пишутся латинскими буквами). Например: *Fedorov I.B. Problemy vysshego inzhenerenogo obrazovaniya v Rossii*. М. : Znaniye, 2005. S. 13—15. (Внимание! Не следует переводить на английский язык!). Инструкцию по транслитерации можно скачать здесь <http://vgasu.ru/attachments/translit.pdf>. ЗАПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ПРОСТО ПОВТОРЯЮТСЯ.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство современного города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об **условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала** по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: info@vgasu.ru** (в теме указать: **для Б.А. Навроцкого**).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: maiapes@mail.ru.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2011. № 2

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Переводчик *Н.И. Копина*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потоккина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 30.05.2011.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 4,7. Усл. печ. л. 5,4. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1